

ПРАВО УКРАИНЫ ВО ВРЕМЯ ЕЕ ПРЕБЫВАНИЯ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В. ГОНЧАРЕНКО

*доктор юридических наук, профессор,
академик НАПрН Украины,
заведующий кафедрой истории государства
и права Украины и зарубежных стран
(Национальный университет
«Юридическая академия Украины
имени Ярослава Мудрого»)*

В 70–80-е гг. XVIII в. постоянное наступление российского царизма на государственность украинского народа завершилось окончательной ликвидацией гетманства, разрушением Запорожской Сечи, введением в Левобережной Украине губернского административно-территориального устройства и тем самым новой судебной системы, связанной с новым для этого края административным устройством. В первой половине XIX в. была завершена ликвидация российской имперской властью и украинского национального права — была введена в действие российская правовая система. Среди важнейших источников российского права, которые постепенно распространяли свое действие на территории Украины, был, прежде всего, Свод законов (далее — СЗ) Российской империи, который вступил в силу на Украине в 1835 г. в части регулирования отношений государственного и административного характера. В 1840 и 1842 гг. было распространено действие СЗ в части гражданского и уголовного права на Левобережную и Правобережную Украину соответственно. С 1846 г. основным источником уголовного права на Украине становится «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», утвержденное царем Николаем I 15 августа 1845 г. и введенное в действие в империи с 1 мая следующего года. Уложение небезосновательно считается кодексом [1, 163].

Основным источником уголовно-процессуального права в Украине стала книга вторая Тома XV СЗ Российской империи, которая, по мнению В. Тертышника, стала первым уголовно-процессуальным кодексом России [2, 68].

Во второй половине XIX в. на территории Украины, входившей в состав Российской империи, функционировала имперская система права, берущая свое начало во времена проведения кодификационных работ, осуществленных под руководством М. Сперанского. Однако социально-экономическое, политическое и культурное развитие страны обуславливали развитие русского права в целом, отдельных его отраслей в том числе. К значительным изменениям в правовой системе Российской империи привели отмена крепостного права в 1861 г., а также последовавшие за этим судебная, земская, городская, военная, финансовая, университетская реформы, имевшие буржуазный характер. А такое важнейшее обстоятельство, как вступление Российской империи на

© В. Гончаренко, 2013

путь капиталистического развития, неудержимый рост промышленности и связанное с этим увеличение численности работников наемного труда, закономерно повлекли за собой заметное развитие специальной отрасли законодательства — фабричного законодательства. И тем не менее в русском пореформенном законодательстве сохранилось немало архаичных норм, замедляющих развитие капиталистических отношений. Например, сохранение частной собственности на недра за владельцами земли сдерживало развитие горнодобывающей промышленности. Архаичностью отличалось авторское и некоторые другие отрасли права. Препятствовали развитию буржуазных начал в праве контрреформы 80–90 гг. XIX в., которые наносили удар «почти по всем вновь возникшим институтам и принципам» [3, 214].

Однако, как верно отмечается в историко-правовой литературе, в конечном счете капитализм (тем более монополистический капитализм с конца XIX в.) уже не мог ужиться с нормами дореформенного права. Поэтому, прежде всего гражданское право с его центральным институтом права собственности постепенно освобождалось от стеснений и ограничений времен крепостничества. Оно все более проникалось буржуазными началами. Буржуазные правовые идеи и юридические конструкции «пусти постепенно и непоследовательно, но воспринимались русским правом и законодательством» [4, 7]. При этом следует отметить, что авторы цитируемой монографии не разделяют точки зрения А. Давидовича, настаивавшего на том, что правовая система царизма, даже в период позднего капитализма, вплоть до февральской революции 1917 г. была «крепостнической» или «феодальной» [5, 221–222].

Основным источником права в пореформенный период продолжало оставаться Полное собрание законов (далее — ПСЗ) Российской империи. Оно по праву рассматривается исследователями «как важный источник для изучения истории права» [6, 27]. Вместе с тем развитие в это время буржуазных отношений обусловило необходимость внесения, как уже отмечалось, существенных изменений в действующее законодательство. Это нашло свое отражение прежде всего в публикации второго и третьего изданий ПСЗ. Эти два издания пореформенных правовых актов составляли сорок два тома, заключавших десятки тысяч законов, а также огромное количество актов управления, ведомственных уставов и т. п.

Новое законодательство включалось и в СЗ, который признавался важнейшим источником права [7, 149]. В 1857 г. было выпущено третье издание СЗ. В дальнейшем полное издание СЗ уже не осуществлялось. В 1876 г. была предпринята попытка приступить к новому изданию СЗ, однако оно осталось незаконченным. В 1885–1897 гг. большая часть томов СЗ была заменена новыми. При этом в состав СЗ впервые были введены уставы ученых учреждений и учебных заведений Министерства народного просвещения, а из Судебных уставов 1864 г. и прежней ч. 2 тома X 1885 г. был образован новый XVI том СЗ. По состоянию на начало 1900 г. СЗ состоял из 16 томов, из которых многие делились на части, в состав которых входило 86 частных сводов или отдельных законодательных актов, именуемых «учреждениями», «уставами», «положениями», «правилами» и т. п. В указанное время СЗ вмещал такие законодательные акты: ч. 1 Том I — свод основных государственных законов; ч. 2 — свод учреждений государственных — Государственного совета, Совета министров и Комитета министров, Комитета Сибирской железной дороги, Правительствующего сена-

та, министерств, канцелярии Его Императорского Величества по принятию прошений, на Высочайшее имя приносимых, комитета по службе чинов гражданского ведомства и наградах, орденов и других знаков отличия; ч. 1 Том II — свод губернских учреждений: 1) общее учреждение губернское; 2) положение о губернских и уездных земских учреждениях; 3) городское положение; 4) учреждение управления губерний Царства Польского; 5) учреждение управления Кавказского края; 6) временное положение об управлении Закаспийской области; 7) положение об управлении Туркестанского края; 8) положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиречанской, Уральской и Тургайской; 9) учреждение Сибирское; 10) положение об иногородцах; ч. 2 — учреждения гражданского управления казаков; Том III — свод уставов о службе гражданской: 1) устав о службе по определению от правительства; 2) устав о пенсиях и единовременных пособиях; 3) положение об особенных преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях Западных и Царства Польского; 4) устав эмеритальных касс гражданского ведомства; Том IV — свод уставов о повинностях, содержащий 2 книги и особое приложение: книга 1 — устав о воинской повинности, книга 2 — устав о земских повинностях, Особое приложение — временные правила для земских учреждений по делам о земских повинностях; Том V — устав о прямых налогах, положение о государственном квартирном налоге, свод уставов о пошлинах, свод уставов об акцизных сборах; Том VI — свод учреждений и уставов таможенных в трех книгах, общий таможенный тариф по европейской торговле, конвенционный таможенный тариф; Том VII — устав монетный, свод учреждений и уставов горных в 4-х книгах; ч. 1 Том VIII — устав лесной в 6 книгах, свод уставов о казенных оброчных статьях, устав об управлении казенными именьями в Западных и Прибалтийских губерниях; ч. 2 — свод уставов счетных в 13-ти книгах; Том IX — законы о состояниях в 2-х книгах; особое приложение к тому IX; ч. 1 Том X — свод законов гражданских в 4-х книгах; положение о казенных подрядах и поставках; ч. 2 — свод законов межевых, в 3-х книгах; ч. 1 Том XI — свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных вероисповеданий христианских и иноверных в 7-ми книгах, свод уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения; ч. 2 — устав кредитный, устав о векселях, устав торговый в трех книгах, устав судопроизводства торгового, устав консульский, устав о промышленности в 3-х книгах; ч. 1 Том XII — свод учреждений и уставов путей сообщения, общий устав Российских железных дорог, положения о подъездных путях к железным дорогам, устав почтовый, устав телеграфный, устав строительный, положение о взаимном страховании от огня; ч. 2 — устав сельского хозяйства, положение о найме на сельские работы, положение о трактирном промысле, свод уставов о благоустройстве в казенных селениях, свод уставов и учреждений о колониях иностранцев в империи; Том XIII — устав об обеспечении народного продовольствия, устав об общественном призрении в двух книгах, устав врачебный в 3-х книгах; Том XIV — устав о паспортах и беглых, положение о видах на жительство, устав о цензуре и печати, свод уставов о предупреждении и содержащихся под стражей, свод учреждений и уставов о ссыльных; Том XV — уложение о наказаниях уголовных и исправительных, устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями; Том XVI, ч. 1 — учреждение судебных установлений в 2-х книгах, устав гражданского судопроизводства в 5-ти

книгах, положение о нотариальной части, устав уголовного судопроизводства в 4-х книгах, правила об устройстве судебной части и производстве судебных дел в местностях, в которых введено положение о земских участковых начальниках; ч. 2 — учреждение местных судебных установлений прежнего устройства, законы о судоустройстве гражданском, положение о взысканиях гражданских, законы о судоустройстве по делам о преступлениях и проступках [8, 197–198]. В СЗ не вошли законодательные акты по военному и военно-морскому ведомствам, об императорском дворе [9, 236], а также некоторые другие своды и сборники законов, например, Свод местных узаконений, действовавший в Остзейском крае, функционировавший в губерниях Польского края Французский Гражданский кодекс, веденный там еще в 1807 г., действовавшее в княжестве Финляндском Шведское уложение 1734 г., изданное на русском языке и утвержденное императором в 1824 г. [10, 130–131].

В рассматриваемый период действовали и такие кодификационные акты, как Воинский устав о наказаниях (1875), Военно-морской устав о наказаниях (1886).

Важное место среди источников права занимало Собрание узаконений и распоряжений правительства (далее — СУ), издаваемое периодически под контролем правительствующего Сената с 1863 г. В СУ помещались все манифесты, Высочайшие повеления, указы Сената, трактаты и постановления, имевшие силу закона и впоследствии внесенные в ПСЗ, а также те распоряжения центрального правительства, которым придавалось общеобязательное значение. Затем в СУ начали печататься и уставы акционерных обществ, кредитных обществ, постановления министров, а также сенатская практика. Опубликование законодательного акта в СУ имело значение официального его обнародования.

Издавались и сборники ведомственных нормативных актов.

Общеобязательными были разъяснения Сената. Кроме того, отдельные постановления этого органа, утвержденные императором, имели силу закона.

В качестве источника права использовалось обычное право, в частности в практике волостных судов [11–14]. О возможностях сослаться на местные обычаи при рассмотрении и решении дел говорилось, например, в Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. В дореволюционной России обычай как источник права получил всеобщее признание [15, 111].

По делам, которые рассматривались в церковных судах, бракоразводным и некоторым другим в качестве источника выступало каноническое (церковное) право.

Таким образом, в пореформенном российском праве недостатка в его источниках не наблюдалось. Вместе с тем в историко-правовой литературе существует мнение о том, что, несмотря на обилие законов (как один из показателей полицейского государства), в царской России законности не было, так как эти законы «не всегда могли в условиях самодержавия соблюдаться и исполняться в соответствии с их точным смыслом» [16, 238]. Грубейшие нарушения законов, причем, как правило, безнаказанно, допускали органы царской полиции и жандармерии, многочисленные чиновники всех рангов.

Отмена крепостного права повлекла за собой расширение применения гражданского права, связанное прежде всего с тем, что законодательство позволило крестьянам стать активными участниками гражданских правоотношений, сделав их равноправными субъектами этих отношений.

Правоспособность физического лица начиналась с момента его рождения. Рождение как обстоятельство, влияющее на правоотношения, требовало официального удостоверения. Главным способом удостоверения факта и времени рождения служило метрическое свидетельство. Правоспособность заканчивалась чаще всего в момент смерти. Действовавшее гражданское законодательство (ч. 1 Т. X СЗ) знало и так называемую гражданскую (юридическую) смерть. К ней относились такие случаи:

- а) лишение по суду всех прав состояния;
- б) пострижение в монашество [17];
- в) безвестное отсутствие лица из места жительства в течение 10 лет (ч. 1 статьи 54, 1234 Т. X).

Законодательство отличало правоспособность от дееспособности как способности лично осуществлять свое право. При этом правоспособность и дееспособность не у всех физических лиц была одинакова и зависела от таких условий как возраст, пол, состояние здоровья, родство, свойство, подданство, сословие, религия, гражданская честь и т. д. Например, гражданское законодательство предоставляло физическому лицу полную имущественную дееспособность по достижении им 21 года. До достижения этого возраста лицо считалось несовершеннолетним.

Так, ст. 213 СЗ издания 1887 г. гласила «В несовершеннолетии полагаются три возраста: первый от рождения до четырнадцати лет, второй от четырнадцати до семнадцати лет, третий от семнадцати до двадцати лет с годом». Что касается состояния здоровья, влиявшего на дееспособность лица, то законодательство определяло статус безумных (т. е. лишенных рассудка с малолетства), сумасшедших и слабоумных. Эти лица были лишены дееспособности, не могли вступать в брак, не могли управлять своим имуществом и состояли под опекой. Физическая немощь (болезнь, физические недостатки) дееспособности лица не изменяла. Она могла мешать ему самому совершать те или иные действия. Их нужно было совершать через соответствующих представителей [18, 18]. На объем дееспособности оказывал влияние и пол. Так, замужние женщины без согласия мужей, а также не отделенные от родителей совершеннолетние дочери без согласия родителей не могли выдавать векселя. Жена без согласия мужа не могла вступать в договор личного найма (ч. 1 ст. 2202 Т. X). Личный договор прямо противоречил началу мужней власти, так как он подчинял жену личной власти другого лица — нанимателя. Исполнение обязательств по этому договору могло легко перейти в столкновение как с обязанностью жены не оставлять мужа, так и с общей ее обязанностью повиноваться мужу. Поэтому закон и требовал разрешения мужа как доказательство его отречения от таких прав на личность жены, которых он мог лишиться с принятием женой на себя обязательств, вытекающих из договора личного найма [19, 107].

В гражданском праве пореформенного периода окончательно сформировалось понятие «юридическое лицо». Оно применялось к государству, его органам, монастырям, учебным заведениям, губернским и уездным органам местного самоуправления, дворянским обществам, а также купеческим, промышленным объединениям, товариществам, акционерным обществам, частным банкам, компаниям. Что касается классификации юридических лиц, то российские цивилисты разделяли их прежде всего на публичные и частные [20, 235–236]. Возникали юридические лица двумя способами: 1) юридические лица публич-

ного права — в силу закона или действия органов власти; 2) юридические лица частного права — по желанию их участников.

Отдельные физические лица, объединяясь, например, в акционерное общество, вырабатывали первоначальный устав, определявший, в частности, цели, состав, имущество, порядок деятельности юридического лица; по утверждению устава в установленном порядке новый субъект права — юридическое лицо — могло функционировать. В некоторых других случаях (например, товарищество полное, на вере) достаточно было взаимного договора между участниками. Законодательство определяло и порядок прекращения юридического лица. Так, юридические лица публичного права прекращали свое существование в силу закона или иного постановления соответствующего органа власти, а юридические лица частного права — либо по определению органа власти, либо по воле участников, либо в силу достижения цели, а также с истечением срока, вследствие выбытия всех членов, потерей имущества и т. д. [21, 182].

Юридическое лицо обладало правом владеть имуществом, вступать в сделки. Вместе с тем закон обеспечивал государственный контроль за деятельностью юридических лиц [22, 464]. Так, в случае обнаружения отклонения в процессе деятельности от целей, определенных в уставе, сделки, заключенные юридическим лицом, могли быть признаны недействительными.

В гражданском праве пореформенного периода все больше получал закрепление принцип меньшей ограниченности права собственности, свободы распоряжения ею. Закон давал следующее определение права собственности: «Кто был первым приобретателем имущества, по законному укреплению его в частную принадлежность, получил власть, в порядке, гражданскими законами установленном, исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распоряжаться оным вечно и потомственно, доколе не передаст сей власти другому, или кому власть сия от первого ее приобретателя дошла непосредственно или чрез последующие законные передачи и укрепления: тот имеет на сие имущество право собственности» (ч. 1 ст. 420 Т. X) [23, 56]. В этом определении термин «власть» понимался не в фактическом господстве, а юридическом смысле. Если вещь находилась в чужом владении и тем самым исключалась возможность фактического воздействия на нее со стороны собственника, все равно власть сохранялась за собственником. Он мог продать, подарить, заложить вещь, истребовав ее из фактического владения.

Закон содержал указание на такой признак права собственности, как исключительность и независимость от посторонних лиц. Исключительность означала, что никто без воли собственника и помимо него не имел права препятствовать ему или присваивать себе пользование той вещью, которая составляла объект его права собственности. Независимость указывала на полную свободу осуществления своего права помимо согласия посторонних лиц.

Важнейший признак права собственности заключался в соединении владения, пользования и распоряжения. Под владением понималось фактическое господство над вещью. Пользование заключалось в извлечении из вещи тех выгод, которые она способна была дать. Распоряжение понималось, как возможность отчуждать имущество в пределах, определенных законом и «отдавать оное в пользование другому посредством найма, ссуды и других договоров» (ч. 1 ст. 541 Т. X). Законодатель различал полное право собственности, когда владение, пользование и распоряжение соединялось в одном лице, и неполное право

собственности, когда от него отделялось одно из трех указанных правомочий (ч. 1, статьи 423, 432 Т. X).

Согласно ст. 420 СЗ право собственности вечно и потомственно. Это означало, что связь собственника с имуществом продолжалась до тех пор, пока не наступал юридический факт, который разрывал эту связь. Он мог наступить:

- 1) в результате волеизъявления субъекта права собственности;
- 2) если вызван судьбой объекта права собственности;
- 3) в силу закона.

В литературе обращалось внимание на то, что терминология русского гражданского законодательства пореформенного периода не отличалась особой точностью. Так, закон в одинаковом смысле употреблял термины «собственник» и «владелец». Собственностью называлось как право собственности, так нередко само имущество, принадлежавшее лицу на правах собственности. Право собственности на недвижимость в законодательстве нередко обозначалось «под именем права вотчинного» [24, 174].

Из данного в ст. 420 СЗ определения права собственности вытекало, что для действительности приобретения права собственности требовалась законность всех предшествовавших ему переходов имущества. В силу этого приобретавший имущество от лица, которому оно не принадлежало, не признавался по закону собственником, а являлся неправомерным владельцем и на него не распространялось правило: «Каждый имеет право отыскивать свое имущество из чужого неправомерного владения или действием полиции, или судом» (ч. 1 ст. 691 Т. X). Согласно же ст. 609 Свода законов гражданских всякий, владевший незаконно чужим имуществом, «несмотря на то, добросовестное или недобросовестное было сие владение, обязан, по окончательному решению суда, немедленно возратить имущество настоящему хозяину оного и вознаградить его за неправое владение на основании правил», установленных в законе.

Российское гражданское право предусматривало вполне объяснимые определенные ограничения права собственности. Так, в ст. 433 СЗ говорилось: «Право постороннего участия в выгодах имущества есть или общее, или частное. Оно есть общее, когда участие в выгодах имущества устанавливается в пользу всех без изъятия; оно есть частное, когда участие установлено единственно в пользу кого-либо из частных владельцев». Право общего участия устанавливалось исключительно законом и предусматривало, в частности, такие случаи: право прохода и проезда по большим дорогам, право прогона скота, пользование бечевниками и берегами на озерах, где существовали рыбные ловли. Примером права частного построенного участия являлись ограничения, возлагаемые соседством: сосед не имел права делать скаты крыш в сторону соседа, выводить окна и двери на соседский двор [25, 138].

В указанной формуле ст. 420 Свода законов гражданских для характеристики объектов права собственности употребляется термин «имущество», что указывает на постепенное стирание различий между разными видами собственности, характерное для развитого буржуазного права [26, 46].

В гражданском праве применялось деление вещей на недвижимые и движимые (ч. 1 ст. 383 Т. X). К первым относились земельные владения, дома, растущий лес, несжатый хлеб, заводы, фабрики, железные дороги и т. п., ко вторым — ценные бумаги, капиталы, одежда, мебель и т. п. Правовое значение этого деления имело большое значение и проявлялось как в способах приобретения

права на вещь (движимое имущество могло приобретаться простой фактической передачей, а недвижимость приобреталась исключительно посредством письменного акта при соблюдении особой процедуры), так и в наследовании по закону.

Вещи также делились на родовые и благоприобретенные, главные и принадлежности, отдельные и нераздельные, потребляемые и непотребляемые, заменимые и незаменимые, тленные и нетленные, изъятые и неизъятые из оборота. Как видим, гражданскому праву России пореформенного периода были известны практически все основные критерии классификации вещей, применяемые со времен Рима [4, 156].

Среди недвижимых вещей особо следует выделить родовое имущество. Это имущество доставалось собственнику только либо в результате наследования по закону, либо в результате покупки у родственников, у которых оно было родовым. Все остальное имущество, как движимое, так и недвижимое, считалось благоприобретенным, т. е. таковым, которое могло свободно отчуждаться собственником кому угодно.

Большая группа статей СЗ (статьи 568–1653) была посвящена обязательственному праву. По закону обязательства между лицами возникали как по воле сторон (вследствие договора), так и вне их воли (в силу закона). В силу закона возникновение обязательств обуславливали такие обстоятельства:

- а) обязанность мужа давать содержание жене (ч. I ст. 106 Т. X);
- б) обязанность родителей давать своим несовершеннолетним детям «пропитание, одежду и воспитание, доброе и честное, по своему состоянию» (ч. 1 ст. 172 Т. X);
- в) обязанность детей давать пропитание и содержание в случае бедности и дряхлости родителей (ч. 1 ст. 172 Т. X).

Предусматривались и другие обстоятельства, обуславливавшие возникновение обязательств. Так, виновник преступления, кроме наказания за преступное деяние, присуждался к уплате потерпевшему и убытков (ч. 1 статьи 644–661, 671, 672, 678 Т. X).

Правоотношения обязательственного характера могли возникнуть между лицами не только в силу договора, предписания закона, вследствие совершения преступления, но и также и в результате гражданского правонарушения. Так, например, лицо несло ответственность за вред, причиненный принадлежавшим ему животным: «тот, кто будет травить кого-либо собакой или другим зверем, или гнать на него какое-либо животное, или же иным образом посредством животного причинит умышленно кому-либо вред, обязан также вознаградить за последовавшие от того вред или убытки» (ч. 1 ст. 656 Т. X); виновный в чьей-либо смерти возмещал расходы на лечение и погребение умершего и обеспечивал его семью (ч. 1, статьи 657–660 Т. X); владельцы железных дорог и пароходов возмещали вред или убытки вследствие чьей-либо смерти или повреждения здоровья (ч. 1 ст. 683 Т. X).

Гражданское право регулировало вопрос прекращения обязательств. Последнее прекращалась:

- а) его исполнением;
- б) заменой обязательства другим;
- в) давностью;
- г) смертью стороны в личных обязательствах (найм, доверенность);

д) истечением срока или наступлением отменяющего условия, если обязательство было оговорено определенным временем или наступлением условленного события;

е) отказом кредитора от своего права требования;

ж) слиянием субъектов права.

Обязательства из договоров предопределили основное содержание обязательственного права. Договором признавалось сознательное и свободное соглашение двух или нескольких лиц, устанавливавших между ними обязательное юридическое отношение. Согласно СЗ предметом договора могли быть или имущество, или действия лиц, а его цель «должна быть непротивна законам, благочинию и общественному порядку» (ч. 1 ст. 1528 Т. X). Закон различал составление договора (соглашение сторон о предмете договора и всех его условий) и совершение договора (обложение его в ту или иную форму).

Форма же договора была либо устная, либо письменная. Письменная форма договора могла быть по терминологии закона домашней и нотариальной. Важное значение закон придавал обеспечению договоров. Надежными способами их обеспечения признавались:

а) задаток;

б) неустойка;

в) поручительство;

г) залог (заклад).

Гражданское право второй половины XIX в. знало множество договоров. Важнейшими из них были: дарение, купля-продажа, запродажа, мена, поставка, заем, найм имущества, поклада, личный найм, подряд, доверенность, товарищество, страхование.

Под семейным правом в пореформенный период понималась совокупность правовых норм, регулировавших отношения, возникавшие из семейного союза. Семья же состояла из супругов, родителей и детей. Исходя из этого семейное право рассматриваемого периода подробно регулировало отношения, охватывавшие:

а) брачный союз;

б) союз родителей и детей;

в) опеку и попечительство.

Закон предусматривал соблюдение ряда условий, при наличии которых брак признавался действительным. Одним из важнейших условий действительности брака считалось свободное и сознательное согласие на его заключение брачующихся. Так, согласно ст. 12 СЗ брак не мог быть законно совершенным «без взаимного и непринужденного согласия сочетающихся лиц». В связи с этим считались недействительными браки таких лиц, как безумные и сумасшедшие, а также браки, совершенные по принуждению и обману. В названных случаях отсутствовало важнейшее условие заключения брака — наличие сознания и свободной воли брачующихся.

Следующим условием действительности брака являлся установленный законом возраст брачующихся. В СЗ он определялся так: для мужчин — 18–80 лет, для женщин — 16–80 лет (ч. 1, статьи 3, 4 Т. X), т. е. закон запрещал вступление в брак ранее и позже этих лет.

Закон предусматривал еще одно условие, необходимое при заключении брака, а именно: согласие родителей брачующихся или опекунов и попечителей

(ч. 1 ст. 6 Т. X), а для лиц, состоявших на военной и гражданской службе — согласие их начальства. И хотя несоблюдение указанного условия не влекло за собой недействительности брака, однако могло вызвать невыгодные последствия для вступающих в брак лиц. Закон перечислял еще ряд обстоятельств, обуславливающих недействительность брака: наличие родства и свойства близких степеней, пребывание в браке, предыдущее пребывание православных в браке три раза, пребывание в духовном сани или монашестве, различие вероисповедания, запрещение вступать в брак гражданским или духовным судом.

Лица христианского вероисповедания заключали брак в форме церковного венчания. Статьи 25–33 СЗ детально регламентировали сам процесс венчания. Так, «желающий вступить в брак должен уведомить священника своего прихода, письменно или словесно, об имени своем, прозвании и чине или состоянии, равно как и об имени, прозвании и состоянии невесты» (ч. 1 ст. 25 Т. X). После этого священник должен был сделать троекратное «в три ближайшие воскресные или другие встречающиеся между оными, праздничные дни» объявление в церкви о предстоящем браке. Это делалось для того, чтобы всякий, кто знал о существовании препятствий к браку, мог об этом заявить. Перед венчанием совершался так называемый «обыск», т. е. удостоверение в особых книгах («обыскные книги») за подписью вступающих в брак, а также их свидетелей об отсутствии препятствий для вступления в брак и наличия условий, требуемых для действительности последнего. Венчание совершалось в церкви при личном присутствии брачующихся, при двух или трех свидетелях «сообразно правилам и обрядам православной церкви». Совершение венчания означало, что брак считался заключенным, о чем записывалось в приходскую (метрическую) книгу церкви (ч. 1 ст. 31 Т. X).

По своей правовой природе брак являлся союзом пожизненным, поэтому его объективное прекращение наступало в связи со смертью одного из супругов. Вместе с тем законодатель допускал и расторжение брака (развод) при жизни супругов. Так, согласно ст. 45 СЗ брак мог быть расторгнут только формальным духовным судом по просьбе одного из супругов:

- 1) в случае доказанного прелюбодеяния другого супруга или неспособности его к брачному сожитию;
- 2) в случае, когда другой супруг приговорен к наказанию, сопряженному с лишением всех прав состояния;
- 3) в случае безвестного отсутствия другого супруга.

Если разведенные супруги через некоторое время, раскаявшись, просили восстановить их бывший брачный союз, Синод им «не отказывал в своем на то соизволении» [27, 197].

Бракоразводными делами и в пореформенный период ведали церковные органы, руководствуясь при этом соответствующими правилами, содержащимися в Уставе Духовных Консistorий, ст. 158 которого, в частности, гласила, что епархиальному суду подлежали люди светского звания «по делам о прекращении и расторжении брака» [28, 241]. Этот устав, регламентировавший также и бракоразводный процесс (статьи 229–260), обобщал действовавшие до его принятия правовые акты и духовно — судебную практику по бракоразводным делам [29, 144]. Устав был основательно пересмотрен в 1883 г. [30, 114].

Заключение брака имело для супругов юридические последствия, определенные в ряде статей разноплановых законодательных актов пореформенного

периода (СЗ, Законы о состояниях, Устав торгового судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства, Устав уголовного судопроизводства, Устав вексельный, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных). Так, муж сообщал своей жене о всех правах и преимуществах своего состояния, чина, звания: «муж, — гласила ст. 5 Свода законов о состояниях, — высшего состояния сообщает право сего состояния жене, если только она не из лиц, лишенных по судебным приговорам всех прав состояния, или всех особенных, лично и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ. Жена не сообщает своего состояния ни мужу, ни детям; она сама сохраняет вполне, или с некоторыми ограничениями, права высшего состояния, если они принадлежали ей до замужества по происхождению, или приобретены ею чрез брак» [31, 1–2].

Среди последствий брака Закон выделял права и обязанности супругов, разделяя их на личные и имущественные, предписывал жене «повиноваться мужу своему, как главе семейства; пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяйка дома» (ч. 1 ст. 107 Т. X). Одновременно и муж обязан был «любить свою жену, как собственное свое тело, жить с ней в согласии, уважать, защищать, извинять ее недостатки и облегчать ее немощи» (ч. 1 ст. 106 Т. X). Взаимной обязанностью супругов была обязанность жить вместе, для чего строго воспрещались всякие акты, «клонящиеся к самовольному разлучению супругов» и при переселении, поступлении на службу или иной перемене постоянного места жительства мужа «жена должна следовать за ним» (ч. 1 ст. 103 Т. X).

Брак породил и ряд имущественных отношений между супругами. Прежде всего, муж обязан был доставлять жене «пропитание и содержание по состоянию и возможности своей». Статья 109 СЗ, открывавшая компактную группу статей, именуемую «О правах на имущество», устанавливала, что «браком не составляет общего владения в имуществе супругов; каждый из них может иметь и вновь приобретать отдельную свою собственность». Этим имуществом супруги могли распоряжаться независимо друг от друга. Они могли, например, взаимно его дарить, покупать, закладывать. Супруги могли наследовать друг другу. При этом законом разрешалось отказывать в собственность пережившего супруга благоприобретенное имущество, родовое же имущество — в пожизненное владение.

Естественным следствием брака было рождение детей. Между ними и их родителями возникали отношения, содержание которых определялось законом.

Так, Закон различал детей законных (родившихся в законном браке) и незаконных (в частности, рожденных вне брака, происшедших от прелюбодеяния). На законодательном уровне регулировались личные и имущественные отношения между родителями их детьми. Прежде всего, родителям принадлежала родительская власть над детьми «обоого пола и всякого возраста» (ч. 1 ст. 164 Т. X). Смысл этой нормы состоял в том, что родительская власть над детьми прекращалась только смертью последних или лишением прав состояния родителей. Для исправления детей строптивых и неповинующихся родители могли применять домашние исправительные меры. Если же эти меры были безуспешны, то родители были вправе просить у властей заключения непокорных детей в тюрьму. Согласно ст. 167 СЗ в губерниях Черниговской и Полтавской родителям предоставлялось право отречься от детей при наличии доказанных в суде ряда обстоятельств, в частности «если дети, забыв страх Божий дерзнут поднять

на родителей руку, или толкнули их в гнев» (ч. 1, ст. 167 Т. X). Наряду с правами в отношении личности детей родители имели по отношению к ним и обязанности, прежде всего обязанность дать несовершеннолетним детям «пропитание, одежду и воспитание, доброе и честное, по своему состоянию». По достижении детьми определенного возраста родители призваны были определить сыновей «в службу или в промысел, соответственно их состоянию», а дочерей «отдать в замужество» (ч. 1 ст. 174 Т. X).

Что касается детей, то им законодательство, прежде всего, строго предписывало повиноваться родительской власти, оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь, а также служить им, отзывать о них с почтением и «сносить родительские увещания и исправления терпеливо и без ропота» (ч. 1 ст. 177 Т. X).

Регулируя имущественные отношения между родителями и детьми, закон предусматривал раздельность их имущества. По отдельному имуществу несовершеннолетних детей родители выступали лишь законными опекунами, а по достижении совершеннолетия дети могли управлять и распоряжаться своим имуществом независимо от родителей. Родители, за небольшим исключением, не наследовали после своих детей. Но в свою очередь и дети, став совершеннолетними, не вправе были требовать от родителей выделения части из родительского имущества. Однако дети считались ближайшими наследниками по закону после своих родителей.

В реальной жизни нередкими были случаи, когда лицо, не достигнув зрелого возраста, терял родителей или становился ограниченно дееспособным в силу ряда обстоятельств (безумие, психическая болезнь и т. п.) и тем самым его личность и имущество нуждались в опеке или попечительстве. В пореформенный период этим вопросам законодатель уделял достаточное внимание. Вопросам опеки и попечительства был посвящен раздел третий книги первой СЗ, включавший 169 статей. Предусматривалось установление опеки над:

- а) лицами малолетними и несовершеннолетними;
- б) безумными и сумасшедшими;
- в) глухонемыми и немыми;
- г) расточителями;
- д) имуществом безвестно отсутствующих.

Закон предусматривал различные случаи назначения опеки над малолетними. Если родители были живы, то опека имела место только над собственным имуществом малолетнего. При этом опекуном считался отец малолетнего, а в случае его смерти опека принадлежала матери. Если в живых не было ни отца, ни матери малолетнего или они оба не могли быть опекунами, тогда опекун назначался соответствующим опекунским учреждением. Таковыми были, в частности, сиротский суд, духовное начальство, сельский и волостной сход.

Закон возлагал на опекуна следующие обязанности: попечение о личности малолетнего и управление его имуществом (ч. 1 ст. 262 Т. X). За выполнение обязанностей опекун получал соответствующее вознаграждение. Закон требовал, чтобы опекун обладал высокими моральными качествами, поэтому расточители, несостоятельные должники, лица, имевшие неприязненные отношения с родителями опекаемого, лица, ограниченные в правах и иные порочные лица не могли быть опекунами (ч. 1 ст. 256 Т. X).

Прекращение опеки могло быть связано со смертью опекаемого, отказом опекуна и т. п. Прекращалась опека над малолетним по достижении им 17 лет. В этом случае опека превращалась в попечительство. Теперь несовершеннолетний мог сам просить назначить ему попечителя или изменить его. Подопечный также мог принимать по описи свое имущество, управлять им. При этом, однако, он должен был иметь выраженное в письменной форме согласие попечителя на совершение сделок со своим имуществом.

Законодатель подробно регулировал порядок осуществления опеки над безумными, сумасшедшими, глухонемыми, немыми, расточителями. Так, прежде чем установить опеку над безумными и сумасшедшими (она назначалась по просьбе родителей), больных освидетельствовали во врачебном отделении губернского правления (в присутствии губернатора, вице-губернатора, председателя окружного суда). В случае признания лица больным дело направлялось в Правительствующий Сенат. И только с разрешения Сената над личностью и имуществом безумного или сумасшедшего учреждалась опека, которая возлагалась на ближайших родственников. В случае полного выздоровления опекаемый и его имущество освобождалось из-под опеки.

Во второй половине XIX в. российское законодательство продолжало уделять надлежащее внимание наследственным правоотношениям. Например, только в СЗ этому институту гражданского права было посвящено 330 статей. Предусматривалось наследование по завещанию и закону.

После отмены в России в 1861 г. крепостного права в стране достаточно интенсивно развивалась промышленность и увеличивалось количество рабочего класса. Очень тяжелые условия труда и быта рабочих в России в пореформенный период обусловили развитие рабочего революционного движения, которое способствовало появлению законодательных актов, призванных урегулировать вопросы труда и заработной платы рабочих. Эти акты легли в основу такой отрасли права, как фабричное право [32].

В начале второй половины XIX в. в Российской империи главным источником уголовного права оставалось Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Как верно заметил Д. Долгих, положения этого Уложения «носили в большинстве своем казуистический характер» [33, 17]. В то же время буржуазные реформы в России 60–70-е гг. XIX в. (прежде всего крестьянская, судебная, полицейская) обусловили необходимость существенного реформирования действующего уголовного законодательства. Одним из направлений такого реформирования стала разработка и принятие 20 ноября 1864 г. Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (далее — Устав) — одного из четырех документов судебной реформы в России 1864 г., в котором предусматривались наказания за правонарушения [4, 175].

Устав состоял из вступительной главы, которая включала в себя общие положения (статьи 10–28), и последующих 12 глав, в которых содержались статьи, в систематическом порядке определявшие противоправные деяния и наказания за их совершение. Эти главы имели также названия: «О проступках против порядка управления» (статьи 29–34), «О проступках против благочиния, порядка и спокойствия» (статьи 35–51), «О проступках против общественного благоустройства» (статьи 52–57), «О нарушениях Устава о паспортах» (статьи 58–64), «О нарушениях Уставов строительного и путей сообщения» (статьи 65–87), «О нарушениях Устава пожарного» (статьи 88–98), «О нарушениях

Уставов почтового и телеграфического» (статьи 99–101), «О проступках против народного здоровья» (статьи 102–116), «О проступках против личной безопасности» (статьи 117–129), «Об оскорблениях чести, угрозах и насилии» (статьи 130–142), «О проступках против прав семейственных» (статьи 143–144), «О проступках против чужой собственности» (статьи 145–181) [34, 1–182]. Устав был, безусловно, новым шагом в развитии уголовного права в России. Н. Тагацев удачно назвал Устав основным кодексом для малозначительных дел [35, 219; 36, 419–462].

Крестьянская реформа 1861 г., вследствие которой было отменено крепостное право, введение в действие Устава 1864 г., изменения в системе наказаний в соответствии с Указом «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных» (1863), реформа полиции обусловили необходимость разработки новой редакции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В 1866 г. появилась новая редакция этого Уложения. В этой новой редакции содержалось много новых важных положений уголовного права. Так, были ликвидированы отличия по сословному принципу. Из общего перечня наказаний исключались телесные наказания. Из Уложения в редакции 1866 г. исключались статьи об ответственности крепостных крестьян, а также статьи, связанные с нарушением рекрутской повинности. Количество статей было сокращено до 1711 вместо 2304 в редакции Уложения 1845 г.

В 1885 г. была принята еще одна редакция Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. В новой редакции было сохранено деление на Общую и Особенную части. В то же время новая редакция Уложения кое в чем отличалась от редакции 1866 г. Так, в новую редакцию Уложения были включены некоторые новые составы преступлений, статьи о каторге и т. п.

В Уложении в редакции 1885 г. нашли свое отражение важные признаки буржуазного уголовного права, в частности признание того, что нет преступления без указания на то в законе, продолжало господствовать формальное определение преступления. Однако в Уложении были сохранены и феодальные традиции. Так, на первом месте среди многочисленных составов преступления, предусмотренных Уложением 1885 г., стояли преступления против религии, на втором месте — преступления против императора и членов его семьи [37, 300, 320]. Главной целью наказания оставалось устрашение.

Таким образом, во второй половине XIX в. основными источниками уголовного права в украинских губерниях, которые входили в состав Российской империи, по сути были два уголовных кодекса, а именно: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (в редакции 1866, 1885 гг.) и Устав 1864 г.

Судебной реформой 1864 г. (самой последовательной в ряду буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX в.) в уголовный процесс были введены демократические начала: презумпция невиновности, предварительное расследование по уголовным делам, гласность, устность, состязательность судопроизводства, гарантии прав обвиняемого на защиту, участие в процессе адвоката, суд присяжных, всестороннее, объективное исследование и оценка доказательств по внутреннему убеждению судей, апелляционный и кассационный порядок обжалования приговоров. Демократические принципы и начала, закрепленные в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., были результатом восприятия опыта зарубеж-

ных стран с учетом местных традиций. Это означало качественный скачок, даже переворот в сфере юстиции в России [4, 202].

Уставом уголовного судопроизводства была закреплена смешанная (континентальная) форма уголовного процесса, которая наиболее тщательно была выписана в уголовно-процессуальном кодексе Франции 1808 г. [38, 75].

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) предусматривал рассмотрение уголовных дел:

1) в мировых судебных учреждениях (мировыми судьями и уездными съездами мировых судей);

2) в системе общих судебных мест.

Мировой судья рассматривал маловажные уголовные дела. Осуществлял он это единолично, исходя из таких принципов, как гласность, устность, состязательность, право обвиняемого на защиту. Порядок рассмотрения дел мировым судьей был упрощен. Основанием для начала процесса было обращение к судье частного лица, потерпевшего от преступления, иногда полиции. Дело рассматривалось в судебном заседании, куда вызывались стороны, свидетели. В случае необходимости проведения осмотров, освидетельствования и других действий их осуществлял сам мировой судья или это делала по его поручению полиция. При осуществлении правосудия судья руководствовался Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г., содержащим нормы материального права и предусматривавшим такие наказания:

1) выговоры, замечания и внушения;

2) денежные взыскания не свыше трехсот рублей;

3) арест не свыше трех месяцев;

4) заключение в тюрьме не свыше одного года [36, 395].

Однако одной из основных задач мировой юстиции являлось примирение сторон конфликта. Это требование заключалось в ст. 120 УУС, гласившей: «В делах, которые могут быть прекращаемы примирением сторон, мировой судья обязан склонить их к миру и только в случае неуспеха в том приступить к постановлению приговора в пределах предоставленной ему власти» [36, 132].

Судебное заседание оформлялось протоколом, носившим произвольную форму. В протокол заносился и приговор, если дело заканчивалось его вынесением.

В двухнедельный срок на вынесенный приговор стороны или прокурор могли приносить отзывы в письменной или устной форме. В семидневный срок могли подаваться частные жалобы на медлительность производства, непринятие отзыва, взятие обвиняемого под стражу.

Апелляционной инстанцией для мирового судьи являлся уездный съезд мировых судей. В состав этого съезда входили участковые и почетные мировые судьи уезда, а в заседании съезда принимал участие прокурор окружного суда. В ходе судебного заседания съезда мировых судей стороны имели право представлять доказательства, приводить в эту апелляционную инстанцию свидетелей. По существу, съезд рассматривал уголовное дело вторично. Съезд мировых судей: 1) утверждал приговор мирового судьи; 2) либо, в пределах отзыва, постановлял новый приговор.

Во втором случае наказание виновного не могло быть усилено без требования участвовавшего в процессе прокурора (ст. 168 УУС).

Окончательные приговоры мирового судьи, а также съезда мировых судей могли быть обжалованы сторонами и опротестованы прокурором в кассационном порядке. Обжалование и опротестование допускалось в высшей кассационной инстанции — уголовном департаменте Правительствующего сената.

Большинство уголовных дел, которые выходили за пределы компетенции мировой юстиции, рассматривались низшей судебной инстанцией в системе общих судов — окружным судом. При этом в окружном суде дела о преступлениях, влекших наказание, соединенного лишением всех прав состояний (или всех особенных прав), разрешались с участием присяжных заседателей, все остальные — без их участия.

Производство по уголовным делам, подведомственным окружному суду, распадалось на четыре последовательные стадии: 1) дознание; 2) предварительное следствие; 3) предание суду; 4) судебное рассмотрение. Таким образом, по образцу государств, где уже относительно давно утвердились буржуазные начала судопроизводства (в первую очередь Франция), в Российской империи в 1864 г. была введена смешанная форма судопроизводства, при которой уголовное разбирательство осуществлялось в два этапа. Первый — негласное, письменное, не знавшее равноправия сторон предварительное разбирательство; второй этап — судебное разбирательство, основанное на демократических началах (гласность, устность, состязательность при свободной оценке доказательств по внутреннему убеждению судей, разделенных на коронных судей и скамью присяжных заседателей [36, 395].

Дознание производилось полицией с целью проверки сведений о преступлении и преступнике. Делалось это путем розысков, словесных расспросов, негласного наблюдения. Дознание полиция проводила как по собственному почину, так и поручению состоявшего при окружном суде следователя или прокурора этого суда. Закон предусматривал, что при соответствующих обстоятельствах, «полиция принимает меры к пресечению подозреваемому способов уклониться от следствия в следующих случаях:

- 1) когда подозреваемый застигнут при совершении преступного деяния или тотчас после его совершения;
- 2) когда потерпевшие от преступления или очевидцы укажут прямо на подозреваемое лицо;
- 3) когда на подозреваемом или в его жилище найдены будут явные следы преступления;
- 4) когда вещи, служащие доказательством преступного деяния, принадлежат подозреваемому или оказались при нем;
- 5) когда он сделал покушение на побег или пойман во время или после побега;
- 6) когда подозреваемый не имеет постоянного жительства или оседлости» (ст. 257 УУС).

А согласно ст. 258 УУС, «в тех случаях, когда полицией застигнуто совершающееся или только что совершившееся преступное деяние, а также когда до прибытия на место происшествия судебного следователя следы преступления могли бы изгладиться, полиция заменяет судебного следователя во всех следственных действиях, не терпящих отлагательства, как-то: в осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках, но формальных допросов ни обвиняемых, ни свидетелей полиция не делает, разве бы кто-либо из них оказался тяжело

больным и представлялось бы опасение, что он умрет до прибытия следователя». О всех своих действиях полицейские органы уведомляли судебного следователя, а по его прибытии на место преступления передавали ему все свое производство и в дальнейшем действовали по указанию судебного следователя или прокурора. Подобным образом должны были действовать также волостные и сельские начальники, а равно и другие должностные лица, выполнявшие в сфере их ведения полицейские функции (ст. 261 УУС). Акты дознания не имели формальной силы и служили лишь «подсобным материалом для следователя при производстве им предварительного следствия» [39, 782].

Предварительное следствие по уголовным делам, подсудным окружному суду, производилось судебными следователями при содействии полиции и под наблюдением прокурора окружного суда и его товарищей. Каждый судебный следователь производил предварительное следствие в назначенном ему участке уезда или города.

К следствию он приступал: «1) когда преступное деяние совершено в его участке; 2) когда преступное деяние совершено в ином месте, но обнаружилось в его участке; 3) когда в его участке имеет пребывание обвиняемый или подозреваемый в преступном деянии, хотя бы оно было совершено в ином месте» (ст. 289 УУС). Кроме того, предварительное следствие могло быть начато по предложению прокурора, жалобе частного лица.

Производя предварительное следствие, судебный следователь вызывал повестками и допрашивал свидетелей, потерпевшего, а в случае необходимости производил осмотр местности, производил обыски, выемки и т. п. При этом законные требования следователя должны были исполняться «как полицейей, так и присутственными местами, должностными и частными лицами без промедления» (ст. 270 УУС). Если при исполнении судебным следователем служебных обязанностей ему оказывалось сопротивление, он мог требовать содействия гражданского или военного начальства, а также и окольных людей (ст. 272 УУС). О своих действиях, осмотрах, допросах и т. п. судебный следователь каждый раз составлял протокол.

Закреплявший буржуазные начала УУС 1864 г. предусматривал гарантии прав обвиняемого при производстве предварительного следствия, суть которых сводилась к следующему:

а) взятие под стражу как мера пресечения предусматривалась, если лицо подозревалось в совершении преступления, влекущего за собой лишение всех прав состояния либо потерю всех особенных прав и преимуществ, с немедленным уведомлением ближайшего лица прокурорского надзора, которое, в свою очередь, могло требовать ограничиться мерой менее строгой, если «обвиняемый не навлекает на себя достаточного подозрения в преступлении, влекущем за собой лишение всех прав состояния или потерю всех особенных прав и преимуществ» (ст. 283 УУС);

б) обязанность следователя при производстве дознания действовать «с полным беспристрастием, приводить в известность как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие» (ст. 265 УУС);

в) следователь не должен был «домогаться сознания обвиняемого ни обещаниями, ни ухищрениями, ни угрозами или т. д. мерами вымогательства» (ст. 405 УУС). В случае отказа обвиняемого отвечать на заданные ему вопросы

следователь, отметив о том в протоколе, изыскивал «другие законные средства к открытию истины» (ст. 406 УУС);

г) предъявление следователем обвиняемому оконченого производства с предложением «представить еще что-либо в свое оправдание» (ст. 476 УУС);

д) право обжаловать следственные действия, нарушавшие или стеснявшие права обвиняемого. Жалобы на действия полиции приносились прокурору, а жалобы на действия судебного следователя — окружному суду (статьи 491, 493);

е) судебный контроль и прокурорский надзор за производством предварительного следствия: прекращение производства следствия только судом (ст. 277 УУС), составление прокурором заключения о предании обвиняемого суду, излагаемого в форме обвинительного акта (ст. 519 УУС).

Хотя законодательство и не устанавливало сроков предварительного следствия, однако согласно ст. 295 УУС оно должно было производиться «со всевозможной скоростью» (ст. 295 УУС). Если того требовали обстоятельства, предварительное следствие не прекращалось ни в так называемые табельные, ни в воскресные дни.

Если собранные доказательства были достаточны, для того чтобы подозревать обвиняемого в совершении преступления, судебный следователь допрашивал его в качестве обвиняемого. В случае если обвиняемому угрожало тяжкое наказание за преступление, а он не имел оседлости, судебный следователь принимал меры для воспрепятствования обвиняемому уклониться от следствия: отбирал вид на жительство или подписку о невыезде, отдавал под надзор полиции, на поруки, брал залог, а то и заключал обвиняемого под стражу.

Если в ходе предварительного следствия было установлено, что в деянии отсутствовали признаки преступления или имелись законные основания для погашения уголовной ответственности (помилование, давность и т. п.) или виновный не был обнаружен, то судебный следователь через прокурора входил в окружной суд с представлением о прекращении следствия. Если в процессе предварительного следствия имелось достаточно оснований полагать, что обвиняемый страдал расстройством умственных способностей, то судебный следователь через прокурора обращался по этому поводу в окружной суд. Там обвиняемый освидетельствовался врачами, и если устанавливалось, что обвиняемый оказался невменяемым, уголовное дело прекращалось по определению суда.

Предание суду представляло собой действия судебных органов по изучению и проверке следственных материалов с целью ограждения обвиняемого от незаконного и неосмотрительного привлечения его к суду. Материалы уголовного дела передавались прокурору окружного суда, который после их изучения принимал одно из следующих решений:

1) составить заключение о прекращении уголовного дела (например, при отсутствии состава преступления), либо о препровождении его в силу малозначительности на решение мирового судьи;

2) «в случае очевидной неполноты произведенного следствия, не представляющей возможности составить правильное заключение о существе дела», потребовать «дополнительные сведения или обратиться к исследованию» (ст. 512 УУС);

3) найдя событие преступления установленным, а доказательства против обвиняемого собранными, составлял обвинительный акт о предании обвиняемого суду.

В этом акте излагались фактические данные о событии преступления, «сущность доказательств и улики, собранных по делу против обвиняемого», юридическая квалификация данного преступления по закону. Обвинительный акт направлялся в окружной суд по делам без участия присяжных заседателей, а по делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей, — в судебную палату. Последняя вновь рассматривала все дело, проверяя при этом выдвинутые против лица обвинения, полноту следствия, соблюдение в ходе следствия процессуальных норм. В зависимости от результатов обсуждения судебная палата могла постановить «окончательное определение о предании суду или о прекращении дела» (ст. 534 УУС), направить на доследование, расширить дело привлечением к нему еще и других обвиняемых и т. п. В случае утверждения судебной палатой обвинительного акта дело вносилось прокурором в окружной суд для рассмотрения с участием присяжных заседателей.

В окружном суде дело начиналось только после получения от прокурора обвинительного акта, утвержденного судебной палатой, вместе со следственными материалами. Подсудимому окружным судом вручалась копия обвинительного акта и списки свидетелей, вызываемых в суд по его делу, судей, лиц прокурорского надзора, присяжных заседателей. После получения копии обвинительного акта и указанных списков подсудимый в семидневный срок имел право «избирать защитников как из присяжных поверенных, так и из других лиц, коим закон не воспрещает ходатайства по чужим делам» (ст. 565 УУС), просить о вызове свидетелей, не указанных в данном ему списке.

Судебное заседание в окружном суде начиналось, если присутствовало не менее трех судей, прокурор или его товарищ, секретарь суда (или его помощник), а в суде с участием присяжных, кроме того, оставшиеся после отвода двенадцать постоянных и двое запасных присяжных заседателей. Подсудимому и потерпевшему предоставлялось право отвода судей по причине заинтересованности последних в исходе дела.

Судебные заседания по делам о преступлениях и проступках в окружном суде происходили публично. Принцип гласности подразумевал присутствие в зале суда представителей общественности, возможность отражать ход судебных заседаний в печати. Это стало формой контроля общества за правильностью хода судебного разбирательства по делу, гарантией против произвола судебной власти [4, 208]. Вместе с тем Устав уголовного судопроизводства 1864 г. перечислял преступления, подлежащих слушанию при закрытых дверях. Это были дела о:

- 1) богохулении, оскорблении святыни и порицании веры;
- 2) преступлениях против прав семейственных;
- 3) преступлениях против чести и целомудрия женщин;
- 4) развратном поведении, противоестественных пороках и сводничестве (ст. 620 УУС).

Закон предусматривал два варианта открытия судебного заседания: слушание дела без присяжных заседателей и с присяжными заседателями. Как в первом, так и во втором случае судебное заседание открывалось проверкой по списку, явились ли все вызванные в суд (подсудимый, свидетели, присяжные

заседатели и другие участники судебного заседания). В случае неявки подсудимого дело не могло слушаться, при неявке некоторых свидетелей, экспертов и др. стороны излагали соображения о том, могло ли слушаться дело без отсутствовавших. По этому вопросу суд принимал определение. После проверки списка свидетелей председатель суда приглашал их удалиться в назначенную для них особую комнату и «не выходить оттуда прежде вызова их к допросу» (ст. 645 УУС). При этом закон предписывал принимать меры к предупреждению общения свидетелей между собой.

Перед слушанием дела, подлежащего рассмотрению присяжных заседателей, председатель суда устанавливал, все ли присяжные находятся в зале суда. Из положенных тридцати присяжных путем отвода прокурором или частным обвинителем, а также подсудимым оставлялось не менее восемнадцати присяжных заседателей. Из оставшихся с помощью жребия назначались для решения дела двенадцать комплектных и двое запасных присяжных заседателей, которые приводились к присяге. Текст этой присяги содержался в ст. 666 УУС 1864 г. Присяжные заседатели для управления их совещаниями избирали из своей среды старшину из числа грамотных лиц. Председатель суда объяснял присяжным заседателям их права, обязанности и ответственность. В судебном следствии права коронных судей и присяжных заседателей закон провозглашал равными. Так, присяжные заседатели имели равное с судьями право «на осмотр следов преступления, поличного и других вещественных доказательств, на предложение чрез председателя суда допрашиваемым лицам вопросов» (ст. 672 УУС). В ходе судебного заседания присяжным заседателям разрешалось делать письменные заметки. В то же время закон возлагал на присяжных заседателей и ряд обязанностей. Так, им запрещалось отлучаться из зала заседания, «входить в сношения с лицами, не принадлежащими к составу суда, не получив на то разрешения председателя» (ст. 675 УУС). Присяжные заседатели обязаны были «сохранять тайну их совещания и не объявлять никому, какие голоса поданы были в пользу или против подсудимого» (ст. 677 УУС). Присяжный заседатель, нарушивший предписания закона, подвергался значительному денежному штрафу.

Судебное следствие начиналось с прочтения вслух председателем суда обвинительного акта и краткого изложения существа обвинения. Затем председатель спрашивал подсудимого, признает ли он себя виновным. Если подсудимый признавал себя таковым и у суда не было на этот счет никаких сомнений, суд мог постановить не производить судебного следствия и перейти непосредственно к прениям. В противном случае, а также при неполноте сознания подсудимого производилось судебное следствие. Его суть состояла в установлении на суде события преступления и всех доказательств виновности подсудимого путем допроса свидетелей, экспертов, осмотра вещей и общего исследования всех материалов, собранных в ходе предварительного следствия.

В основе судебного следствия лежал такой демократический принцип, как состязательность, нашедший свое закрепление, в частности, в ст. 630 УСС, которая гласила: «Прокурор или частный обвинитель, с одной стороны, а подсудимый или его защитник — с другой, пользуются в судебном состязании одинаковыми правами. Как той, так и другой стороне предоставляется:

— представлять в подтверждение своих показаний доказательства;

— отводить по законным причинам свидетелей и сведущих людей, предлагать им с разрешения председателя суда вопросы, возражать против свидетельских показаний и просить, чтобы свидетели были передопрошены в присутствии или в отсутствие друг друга;

— делать замечания и давать объяснения по каждому действию, происходящему на суде, и опровергать доводы и соображения противной стороны».

Судебное следствие завершалось прениями по существу рассмотренных и проверенных доказательств. Согласно ст. 736 УСС заключительные прения состояли из:

- 1) обвинительной речи прокурора или частного обвинителя;
- 2) объяснений гражданского по делу истца;
- 3) защитительной речи защитника или из объяснений самого подсудимого.

Прения завершались последним словом самого подсудимого. Такая последовательность в предоставлении слова сторонам призвана была гарантировать права подсудимого. Лишение подсудимого или его защитника возможности воспользоваться правом последнего слова признавалось существенным отступлением от закона, так как нарушало принцип презумпции невиновности, закрепленный в судебных уставах [36, 325]. Кроме того, гарантией прав подсудимого в процессе была также обязанность судей «при разделении голосов на два или более мнений» придерживаться того из них, «которое снисходительнее к участию подсудимого» (ст. 769 УУС).

Судьи оценивали доказательства по своему внутреннему убеждению, как это и было определено судебными уставами 1864 г., отказавшимися от формальной оценки доказательств, при которой их сила заранее определялась законом.

Вынесение приговора в окружном суде с участием присяжных заседателей имело свои особенности. После прений суд выработывал вопросы, подлежащие обсуждению присяжными заседателями. Вопросы излагались письменно и относились исключительно к виновности или смягчающим обстоятельствам. Кроме того, председатель суда давал присяжным заседателям наставление, в котором напоминал о существенных обстоятельствах дела. Однако председатель суда не должен был «ни обнаруживать собственного своего мнения о вине или невиновности подсудимого, ни приводить обстоятельств, не бывших предметом судебного состязания» (ст. 802 УУС). Присяжные заседатели удалялись в отдельную комнату, охраняемую стражей, где выработывали под руководством избранного ими старшины ответы (вердикт) на поставленные вопросы.

Решение принималось присяжными большинством голосов. Вердикт присяжных давал один из двух ответов: «да, виновен» или «нет, не виновен». Допускалась законом и такая формулировка решения присяжных: «Да, виновен, но без предумышления», «Подсудимый по обстоятельствам дела заслуживает снисхождения». Исполнив возложенную на них обязанность, присяжные заседатели уведомляли об этом суд, который приглашал их в зал заседания для объявления вердикта.

Объявление решения присяжных состояло в провозглашении публично ответов, сформулированных присяжными заседателями на предложенные судом вопросы [40, 480]. Вердикт присяжных заседателей был основой приговора по делу. Если вердиктом подсудимый признавался невиновным, то председатель суда немедленно объявлял его «свободным от суда и содержания под стражей», если он состоял под арестом (ст. 819 УУС). Если же вердиктом под-

судимый признавался виновным, то прокурор делал заключение о мере наказания. Защитник выдвигал возражения. Затем последнее слово предоставлялось подсудимому. После этого коронный суд в совещательной комнате определял меру наказания. Однако если суд единогласно признавал, что решением присяжных заседателей был осужден невиновный, то он действовал следующим образом: постановлял «определение о передаче дела на рассмотрение нового состава присяжных», решение которых было окончательным (ст. 813 УУС).

На приговоры окружного суда, вынесенные без участия присяжных заседателей, как на неоконченные подсудимый мог принести апелляционный отзыв (а прокурор апелляционный протест) в судебную палату, которая вновь рассматривала уголовное дело по существу. Апелляции рассматривали три судебные палаты — Харьковская, Киевская и Одесская [41, 448]. Приговоры судебной палаты являлись окончательными и могли быть обжалованы в кассационном порядке. Приговоры же окружного суда, вынесенные с участием присяжных заседателей, являлись окончательными и могли быть обжалованы или опротестованы прокурором в кассационном порядке в Сенат. Отзывы, жалобы, протесты подавались в установленный законом срок в тот суд, на приговор которого они приносились.

УУС 1864 г. содержал разделы «О судопроизводстве по государственным преступлениям» и «О судопроизводстве по преступлениям должности», в которых предусматривался особый порядок рассмотрения указанных категорий дел. Так, дела о государственных преступлениях рассматривались в судебной палате с участием сословных представителей. Ими могли быть: губернский предводитель дворянства той губернии, где была учреждена палата; один из уездных предводителей дворянства, состоявший в округе местного окружного суда; один из городских голов того же округа; один из волостных голов или старшин местного уезда (ст. 1051 УУС). Изъятием дел о государственных преступлениях из подсудности окружного суда с участием присяжных заседателей и передачей их в ведение судебных палат с участием сословных представителей (объединенных, кстати, при рассмотрении дела в одну коллегия с коронными судьями) законодатель выражал недоверие демократической форме участия общественности в отправлении правосудия. Свои особенности имело и судопроизводство по делам о должностных преступлениях.

Приговоры, вступившие в законную силу, приводились в исполнение под наблюдением прокурорского надзора.

После принятия судебных уставов 1864 г. в них со временем стали вноситься различные по своему значению и последствиям изменения, обусловленные объективными обстоятельствами общественной и политической жизни. Эти изменения касались как судоустройства, так и судопроизводства, в том числе и уголовного судопроизводства. Так, Закон от 30 октября 1878 г. ввел неизвестные до того времени гарантии прав личности при производстве осмотра и выемки почтово-телеграфной корреспонденции, установив обязательность особого судебного разрешения на осмотр и выемку [42]. Закон «О порядке прекращения следствий по уголовным делам» от 3 мая 1888 г. расширял права потерпевшего предоставлением ему возможности подавать жалобу на прекращение дела окружным судом [43]. В последующие годы также были приняты правовые акты, направленные на совершенствование уголовного судопроизводства [44, 42].

Вместе с тем в пореформенный период оставались в неизменном виде правила и положения судебных уставов 1864 г., носившие явно недемократический характер. Так, оставалось непоколебимым инквизиционное начало предварительного следствия, проявлявшееся в том, что права обвиняемого были недостаточно гарантированы на этой стадии процесса, не знавшей ни защиты, ни гласности [45, 81]. Не было введено состязательное начало в такую стадию процесса, как предание суду. Наряду с принятием законодательных актов, позитивно влиявших на содержание уголовно-правовых норм, в пореформенный период были введены в действие и акты, значительно ухудшавшие Судебные уставы 1864 г., а то и ликвидировавшие демократические принципы и начала, ими провозглашенные. Так, Закон «О временном изменении подсудности и порядка производства дел по некоторым преступлениям» от 9 мая 1878 г. вносил существенные изменения в определение подсудности окружных судов с участием присяжных заседателей. Согласно этому закону целый ряд категорий дел изымался из компетенции суда присяжных заседателей (например, сопротивление представителям власти, оскорбление власти, убийство или покушение на убийство должностных лиц и т. п.) и передавался в ведение судебных палат с участием сословных представителей, которым в первоначальной редакции Судебных уставов 1864 г. были подведомственны только некоторые государственные преступления.

С течением времени все отчетливее начала проявляться тенденция к ограничению важнейшего принципа судебной реформы — гласности уголовного процесса. Впервые это было сделано Законом от 7 июня 1872 г, допускавшим проведение судебного заседания при закрытых дверях «по делам об обвинении подсудимых в произнесении дерзких оскорбительных слов против Государя Императора или членов Императорского Дома» [46, 811]. Согласно ст. 17 Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. генерал-губернатор или Министр внутренних дел по принадлежности наделялись правом «требовать рассмотрения при закрытых дверях всех тех судебных дел, публичное рассмотрение коих может послужить поводом к возбуждению умов и нарушению порядка» [47, 263]. Закон «Об изменении и дополнении ряда статей Устава уголовного судопроизводства 1864 г.» от 12 февраля 1887 г. вообще изменил сам подход к гласности уголовного процесса, сильно сократив возможность осуществления контроля общественности за отправлением правосудия. С одной стороны, Закон установил запрет на доступ в зал судебного заседания целой категории лиц (малолетние, учащиеся, несовершеннолетние, при определенных условиях женщины), а с другой стороны, суд получил право вообще слушать дело при закрытых дверях, если он признавал, что публичное исследование обстоятельств «оскорбляет религиозное чувство или нарушает требования нравственности, или же не может быть допущено в виде ограждения достоинства государственной власти, охранения общественного порядка или обеспечения правильного хода судебных действий» [48, 79]. Эти расплывчатые, широкие формулировки, определявшие допустимость слушания дела при закрытых дверях, резко сужали действие принципа гласности.

Решительный удар по демократическим началам уголовного судопроизводства наносили Положение о земских участковых начальниках от 12 июля 1889 г. и Правила о производстве судебных дел, подведомственных земским

начальникам и городским судьям от 29 декабря 1889 г. [49] Как отмечалось даже в официальном издании, посвященном 50-летию судебной реформы 1864 г., указанные нормативные акты 1889 г. «в существенных своих чертах и принципиальных построениях резко противоречили коренным началам судебной реформы 1864 г.» [50, 727]. И это действительно было так, ведь на большей части территории России (за исключением Москвы, Санкт-Петербурга и еще нескольких городов) мировые судебные установления упразднились, а для рассмотрения дел мировой подсудности были учреждены должности земских участковых начальников, городских судей, уездных членов окружных судов. Низшей инстанцией в сельской местности стал земский участковый начальник. Если это судебно-административное установление и сохраняло в какой-то мере такие присущие мировой юстиции начала, как гласность, устность судопроизводства, то состязательность, право обвиняемого на защиту, апелляционный и кассационный порядок обжалования судебных приговоров введением института земских участковых начальником начисто отвергался. В пореформенный период были приняты и иные правовые акты, деформировавшие демократические начала судебных уставов 1864 г.

В пореформенный период гражданский процесс понимался современниками как «система судебных действий, имеющих целью охранение гражданских прав по поводу нарушения или спора» [51, 15], как «организация защиты гражданских прав» [52, 23] или как совокупность юридических норм, определявших «порядок деятельности судебной власти по охране частных прав или разрешению споров между частными лицами об этих правах» [21, 281]. Гражданскому процессу был посвящен том судебных уставов 1864 г. — Устав гражданского судопроизводства (далее — УГС). Из всех судебных уставов 1864 г. УГС был наиболее демократичным, поскольку установленный им порядок судопроизводства более всего соответствовал новым буржуазно-экономическим отношениям, задачам охраны права частной собственности. Гражданский процесс строился на таких общедемократических принципах, как отделение суда от администрации, гласность, устность, состязательность, равенство сторон перед судом, участие в процессе адвоката. В связи с преобладанием в гражданском процессе частного начала в нем максимально проявился принцип состязательности. Характерной чертой процесса было то, что вся инициатива в нем принадлежала сторонам, а не суду. Так, дело возникало по заявлению лица, которое во все время процесса имело право отказаться от своего заявления и прекратить дело. Суд мог решать дело только в пределах заявленного ему требования. В ст. 367 УГС подчеркивалось: «Суд ни в коем случае не собирает сам доказательств или справок, а основывает решения исключительно на доказательствах, представленных тяжущимися» [53, 204].

УГС вводил такие новеллы в гражданский процесс: четкая система судебных органов с рационально определенной подсудностью по гражданским делам; рассмотрение гражданских дел не более чем в двух судебных инстанциях; признание главным вызов в суд посредством повестки; сокращение процессуальных сроков; установление правил о внутреннем содержании прошения; запрещение подачи тяжущимися неограниченного числа бумаг (сокращение их до четырех — по две с каждой стороны); упорядочение судебных издержек; установление правил о постановлении заочных решений в случае неявки ответчика; замена формальной оценки доказательств оценкой их по внутреннему убеждению

судьи; обеспечение участия прокурора в процессе как представителя государства; обязанность суда мотивировать свои решения; отмена штрафов за неправильные иски и апелляционные жалобы, признанные судом неправильными; возложение высшего надзора за рассмотрением гражданских дел на Гражданский кассационный департамент Сената; возложение исполнения судебных решений на судебных приставов; обеспечение сторонам права получения квалифицированной юридической помощи в результате создания института присяжных поверенных [4, 214–215].

В то же время в пореформенном гражданском судопроизводстве демократические принципы сочетались с далеко недемократичными нормами и институтами. Так, в литературе обращалось внимание на то, что в царской России кроме общего порядка гражданского судопроизводства действовали особые порядки рассмотрения и разрешения гражданских дел, применявшиеся в специальных судах. Речь идет об «особых» порядках судопроизводства для отдельных сословий, для отдельных национальностей, окраин империи, категорий дел [54, 57; 55, 59; 56, 401]. С принятием 12 июля 1889 г. анализируемого выше Положения о земских участковых начальниках и дополнительных правовых актов гражданские дела, подсудные по судебному Уставу 1864 г. мировым судьям, с упразднением их на большей части Российской империи были поделены между земскими участковыми начальниками, городскими судьями и уездными членами окружных судов. Земские участковые начальники, сочетавшие в одном лице административные и судебные функции, рассматривали и разрешали дела на началах, «противоречивших самой сути гражданского разбирательства» [4, 216].

Гражданский процесс в широком смысле слова объединял три порядка производства дел в гражданских судах пореформенного периода или три вида судопроизводства:

- 1) исковое (гражданский процесс в узком смысле слова);
- 2) исполнительное;
- 3) охранительное [57, 5].

Перед каждым из этих видов процесса стояли свои задачи. Так, при иском производстве решался спор двух или нескольких лиц об их частных правах. При охранительном же судопроизводстве устанавливались, признавались и охранялись частные права лиц без спора с чьей-либо стороны, как это происходило, например, в случае охраны имущества, оставшегося после умершего. В качестве низшего звена судебной системы, введенной судебными уставами 1864 г., которое рассматривало гражданские дела, был мировой судья. Рассмотрению этого судьи подлежали такие иски:

- 1) по личным обязательствам и договорам о недвижимости с ценой иска не выше 500 рублей;
- 2) о вознаграждении за ущерб и убытки, когда размер их не превышал 500 рублей;
- 3) о личных обидах и оскорблениях;
- 4) о восстановлении нарушенного владения, когда со времени нарушения прошло не более шести месяцев;
- 5) о праве участия частного лица, когда со времени его нарушения его прав прошло не более года (ст. 29 УГС).

Кроме того, мировой судья мог принять к производству и рассмотреть любой иск и гражданский спор (независимо от суммы иска) в случае, если обе сторо-

ны просили его о решении дела «по совести» и при том условии, что решение мирового судьи считалось окончательным и апелляции не подлежало [58, 273]. Процедура разбирательства гражданского дела у мирового судьи была довольно проста, прежде всего, за счет избавления ее от излишнего формализма. Так, производство по делу освобождалось от уплаты пошлин, использования гербовой бумаги. В качестве доказательств в мировом суде использовались показания сторон, письменные доказательства, результаты осмотра на месте, заключения сведущих людей (ст. 30 УГС). В ходе рассмотрения дела при невозможности склонить стороны к примирению мировой судья своей единоличной властью выносил решение по спорному делу. Он выдавал истцу исполнительный лист, который предоставлялся им в органы полиции, волостное правление или судебному приставу при мировом суде [59, 238].

Гражданские дела, выходящие за пределы полномочий мировой юстиции, находились в компетенции окружного суда. Дела в этом суде рассматривались в составе трех профессиональных «коронных» судей, а сам процесс был более формализован по сравнению с мировым судом.

Процесс в окружном суде открывался подачей в суд искового прошения, написанного на гербовой бумаге и с соблюдением соответствующей формы. В прошении излагались обстоятельства дела: кто и чем нарушил право истца, цена искового требования, чем подтверждались указанные обстоятельства. К исковому прошению прилагались судебные пошлины, документы и т. п. В случае когда проситель подавал исковое прошение, основывая свои требования на бесспорных документах, он мог просить суд об обеспечении иска, например, путем наложения ареста или запрещения на имущество должника, отобрания у него подписки о невыезде.

Предъявленный иск, согласно закону, мог быть рассмотрен в одном из таких порядков:

- 1) общем (или обыкновенном);
- 2) сокращенном;
- 3) упрощенном.

Суть общего порядка рассмотрения гражданского дела состояла в том, что до слушания дела в судебном заседании по нему производилась письменная подготовка, в ходе которой стороны могли обмениваться через суд двумя состязательными бумагами с каждой стороны. В ответ на исковое прошение ответчик в установленный срок мог подать ответ, истец, в свою очередь, — возражение против ответа и, наконец, ответчик — опровержение. Обмен бумагами был необязателен. Это было правом сторон, а не их обязанностью. Стороны могли и после первой бумаги просить суд назначить дело к слушанию в судебном заседании. При сокращенном порядке судопроизводства (когда рассматривались относительно простые дела) предварительный обмен бумагами между сторонами не производился и дело назначалось к слушанию с вызовом сторон в суд. Упрощенное рассмотрение применялось по просьбе истца для бесспорных дел. В этом случае дело решалось одним из членов окружного суда. Ответчик вызывался в кратчайший срок. Неявка сторон не препятствовала решению дела. По просьбе истца решение могло быть приведено в исполнение немедленно.

Судебное заседание открывалось докладом дела суду одним из его членов. После этого каждая из сторон могла представить суду словесные доводы. Утверждение каждой из сторон должно было быть доказано. Главными видами

доказательств в гражданском процессе считались: признание тяжущихся, письменные акты, относящиеся к спорному обстоятельству, присяга, показания свидетелей, результаты осмотра на месте судом и дознание через оковых людей, заключения экспертов в случаях, требовавших специальных научных или технических знаний. Оценка значения и убедительности каждого доказательства осуществлялась по внутреннему убеждению судей.

После выслушивания объяснений сторон и предоставления ими всех доказательств своих доводов и утверждений суд выносил решение по делу. Оно обновлялось судом в виде краткой резолюции, а затем в назначенные судом сроки решение объявлялось в окончательной форме. В случае необходимости кроме решения суд выносил еще и частные определения, касавшиеся отдельных вопросов процесса (определение об обеспечении иска, допросе свидетелей и т. п.). На любой стадии процесса стороны могли заключить между собой мировую сделку, что являлось основанием окончания процесса.

В связи с устранением следственного начала из гражданского судопроизводства значительно сузилось и участие в нем прокурора. Только по некоторым делам, которые были связаны с общественными и государственными интересами, суд выслушивал заключение прокурора [60, 221–222].

УГС 1884 г. определял порядок апелляционного и кассационного производства. Апелляционной инстанцией для пересмотра единоличного решения мирового судьи был съезд мировых судей, а для окружного — судебная палата. Решение первой инстанции обжаловалось недовольной стороной или обеими сторонами путем подачи во вторую апелляционную инстанцию в определенный срок апелляционной жалобы с приложением ее копии для другой стороны. Жалоба подавалась в тот суд, на решение которого подавалась. Она должна была содержать мотивы и доказательства, объясняющие причины несогласия просителя с вынесенным решением. В апелляционной инстанции дело рассматривалось вторично и решалось в пределах жалобы. Необжалованная часть решения суда первой инстанции вступала в силу и пересмотру не подлежала. Неявка сторон не препятствовала слушанию дела. Решение первой инстанции могло быть утверждено или отменено. Во втором случае апелляционная инстанция выносила другое решение, это решение второй инстанции являлось окончательным и не могло быть обжаловано по существу.

Обжалование решения второй инстанции возможно было только в кассационном порядке. При этом в кассационной жалобе указывались нарушения вынесенным решением материального или процессуального закона. Кассационный пересмотр окончательных решений в суде, палат и съездов мировых судей производился Гражданским кассационным департаментом Сената. В указанном департаменте дело докладывалось сенатором, выслушивалось заключение обер-прокурора, а также доводы сторон (если они присутствовали на заседании). Затем постановлялось решение или об оставлении кассационной жалобы без последствий, или отмене обжалованного решения второй (кассационной) инстанции с передачей дела для нового решения этой инстанцией. Так как основной задачей кассационной инстанции являлось обеспечение точного и единообразного применения норм гражданского права и процесса на территории всей империи, ее решения имели руководящее значение для всех судебных мест империй, они публиковались для всеобщего сведения.

Вступившие в законную силу решения приводились в исполнение через судебного пристава, который особой повесткой приглашал ответчика исполнить решение добровольно. Если обязанное лицо этого не делало, тогда производилось принудительное исполнение решения суда. Это могло быть отобрание присужденной вещи, взыскание обозначенной в решении суммы путем продажи имущества должника и т. п.

Таковы основные черты гражданского процесса, каковыми они были по УГС 1864 г. Вместе с тем на протяжении рассматриваемого периода в гражданско-процессуальное законодательство вносились изменения и дополнения, различные по своему содержанию, корректировавшие недостатки и противоречия, имевшиеся в УГС. 14 апреля 1866 г. было принято Положение нотариальной части, согласно которому все нормы УГС, касавшиеся явочных актов, были применены к актам нотариальным. Затем компетенция гражданского суда была распространена 6 июня 1866 г. на дела акционерных компаний, 27 июня 1867 г. — на ипотеку, 16 января 1868 г. — на дела судебно-межевые, 1 июля 1868 г. — на дела о несостоятельности, 19 апреля 1874 г. — на брачные дела у раскольников, 12 марта 1891 г. — на дела об узаконении и усыновлении детей [61, 72]. Однако в гражданско-процессуальное законодательство в пореформенный период вносились изменения и дополнения, которые, в частности, подрывали принцип равноправия сторон, сужали гласность судебного заседания, увеличивали издержки тяжущихся сторон в гражданском процессе [61, 73–79].

Во второй половине XIX в. в Российской империи, в состав которой входила значительная часть территории Украины, произошли значительные изменения в общественном и государственном строе. Отмена крепостного права в 1861 г., буржуазные по своему характеру реформы 60–70-х гг. привели к известной демократизации общественной и государственной жизни. В праве также наметились значительные сдвиги. Многомиллионные массы крестьян стали субъектами права, получали дальнейшее развитие институты гражданского права, на демократических началах стало осуществляться судопроизводство. Однако по мере того как страна дальше двигалась по пути от феодализма к капитализму, царизм все больше становился тормозом ее развития.

Капиталистическое развитие России в начале XX в. не могло, конечно, не оказывать влияния на право страны. Однако в этот период сколько-нибудь существенных, крупных законодательных актов принято было не так уж и много. Есть все основания утверждать, что наибольшие изменения произошли в государственном, административном, земельном и уголовном праве. Однако наблюдались отдельные изменения и в других отраслях права.

В Украине в начале XX в. действовали нормы гражданского права, содержащиеся в основном в ч. 1 Т. X СЗ, нормы которого во многом уже не соответствовали требованиям развивающегося буржуазного общества, что объективно обуславливало необходимость проведения буржуазной кодификации гражданского права. И работа в этом направлении проводилась. Первые редакции проекта Гражданского уложения (русской кодификации гражданского права) стали публиковаться с 1894 г. — сначала отдельными частями (книгами), а вскоре и отдельными изданиями. К 1905 г. сводная редакция проекта Гражданского уложения была составлена и в таком виде проект названного Уложения был опубликован [62]. В целом, характеризуя содержание проекта Гражданского уложения, трудно не согласиться со следующим мнением: «Охватывая ныне,

по прошествии стольких лет, плоды усилий нескольких поколений русских цивилистов в разработке основных вопросов гражданского права, нельзя не восхищаться широтой, глубиной и основательностью выполненной ими работы. Работы, оказавшейся не востребовавшей, пресеченной в самый ее разгар, обещающей еще более значительные достижения» [4, 173].

Проект Гражданского уложения так и остался проектом, а жизненная потребность развития гражданского права ощущалась в стране весьма остро. Поэтому в рассматриваемое время были приняты отдельные правовые акты в области гражданского права, призванные оперативно откликаться на требования времени.

Русское гражданское право всегда уделяло пристальное внимание защите права частной собственности, прежде всего собственности дворян-землевладельцев. Поэтому не случайно 10 апреля 1905 г. был принят именной Высочайший указ «Об имущественной ответственности сельских обществ и селений, крестьяне коих принимали участие в происходивших в последнее время в некоторых местностях беспорядках». Обратив внимание на то, что «всякая частная собственность неприкосновенна и охранение ее от незаконных посягательств, а тем более от насилия, составляет первейшую обязанность правительства», Николай II повелел Министру внутренних дел создать временные уездные комиссии для выявления участников «преступных скопищ крестьян», а также исчисления размеров причиненных ими убытков для привлечения к имущественной ответственности [63]. Указом от 26 апреля 1906 г. «Об имущественной ответственности участников в погромах и грабежах в сельской местности» было разъяснено, что привлечение к имущественной ответственности лиц, «участвовавших в скопищах, коими истреблены, повреждены или расхищены имущества в сельской местности» производится потерпевшими от этого в судебном порядке, а взыскания, присужденные по искам потерпевших, обращались на все принадлежавшее виновным движимое и недвижимое имущество, на которое «по силе общих гражданских законов и особых о крестинах узаконений распространяется ответственность за частные долги» [64].

Действовавшее русское гражданское право к правам на чужие вещи относило право пользования вещью и ее плодами, а также право пользования угодьями в чужих имуществах. В соответствии с Законом от 23 июня 1912 г. «О праве застройки» к этим правам было присоединено и право на застройку, в соответствии с которым лицу предоставлялось право пользования землей сроком от 36 до 99 лет для постройки зданий (ст. 1) [65, 766]. При этом застройщик мог по истечении срока застройки снести здание или отдать его собственнику земли.

Особое место в российском гражданском праве отводилось промышленному и авторскому праву. Автору принадлежало исключительное право воспроизводить, опубликовывать и распространять произведение. К промышленным правам закон относил права изобретателя, право на фирму и товарный знак. Законом «О принудительном отчуждении привилегий на изобретения и усовершенствования» от 28 июня 1912 г. устанавливалось, что, несмотря на право изобретателя пользоваться своим изобретением или усовершенствованием, в случае государственной необходимости право на изобретение или усовершенствование могло быть принудительно отчуждено в пользу государства. Однако принудительное отчуждение допускалось лишь в случаях, когда между правительством и владельцем привилегии на изобретения и усовершенствования не

могло состояться добровольное соглашение об отчуждении привилегии. При этом принудительное отчуждение привилегий допускалось не иначе, как за вознаграждение владельца изобретения и усовершенствования [65, 930].

Некоторые изменения были внесены и в семейное право. В частности, изменилось правило о местожительстве супругов. Закон от 14 марта 1914 г. устанавливал возможность раздельного проживания супругов, если для одного из них совместная жизнь представлялась невыносимой [16, 304].

Внесены были изменения и в наследственное право. Так, Законом «О расширении прав наследования по закону лиц женского пола и права завещания родовых имений» от 3 июня 1912 г. были расширены права женщин — наследниц по закону. Закон, в частности, уравнивал дочерей с сыновьями в наследовании движимого и недвижимого имущества. В Законе от 3 июня 1912 г. также нашли отражение особенности наследования имущества в губерниях Черниговской и Полтавской [65, 574].

Рост рабочего движения в начале XX в. обусловил принятие отдельных актов, относящихся к фабрично-заводскому законодательству. Так, 2 июня 1903 г. был издан Закон, вступивший в силу с 1 января 1904 г., об ответственности предпринимателей за увечья и смерть рабочих, вознаграждении рабочих, пострадавших от несчастных случаев. Несмотря на все свои весьма существенные недостатки, закон от 2 июня 1903 г. представлял собой известный шаг вперед в вопросе о технике безопасности работ на предприятиях [66, 139].

Под давлением нового революционного подъема серия принятых ранее актов фабрично-заводского законодательства была дополнена законами о страховании. Так, 23 июня 1912 г. одновременно было издано два довольно обширных закона о страховании рабочих: «Об обеспечении рабочих на случай болезни» и «О страховании рабочих от несчастных случаев» [65, 827–875]. Суть этих законов сводилась к тому, что для материального обеспечения рабочих промышленных предприятий (за исключением казенных и железных дорог общего пользования) в случае болезни учреждались больничные кассы, членство в которых для работников являлось обязательным. Согласно Закону средства кассы формировались прежде всего из ежемесячных взносов ее членов (1–3 % заработка) и предпринимателя (2/3 суммы взносов членов кассы). Обязанность предоставления врачебной помощи больному рабочему лежала на предпринимателе. Согласно Закону пособие на случай болезни назначалось в размере от 1/4 до 2/3 заработка на срок не более 30 недель в течение года [65, 840].

Рабочий, который пострадал вследствие несчастного случая на производстве, получал от страхового товарищества при временной нетрудоспособности пособие в размере 2/3 среднего поденного заработка. В случае же постоянной нетрудоспособности рабочий получал пенсию до 2/3, а в отдельных случаях до полного годового заработка. Если же в результате несчастного случая на производстве наступала смерть рабочего, пенсию могли получать вдова (1/3 заработка погибшего — пожизненно), дети (1/6 заработка на каждого ребенка до достижения им 15-летнего возраста), родители (1/6 заработка) и некоторые другие лица. Однако при всех этих выплатах общая их сумма не должна была превышать 2/3 заработка погибшего [67, 938].

23 июня 1912 г. были приняты законы, регулировавшие организацию и деятельность учреждений по наблюдению за осуществлением страхования рабочих: «Об учреждении совета по делам страхования рабочих» и «Об учреждении

Присутствия по делам страхования рабочих» [65, 813–827]. При всех своих недостатках новые страховые законы впервые ввели в российское законодательство о фабрично-заводском труде принцип обязательного страхования [66, 282].

К началу XX в. в Российской империи действовало два основных сборника уголовных законов, а именно: Уложение о наказаниях, уголовных и исправительных (редакция 1885 г.) и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

В 1903 г. был утвержден императором и издан новый сборник уголовных законов, получивший название «Уголовное уложение». После принятия названного Уложения 1903 г. в скором времени в действие были введены лишь отдельные его главы и статьи. Так, в 1904 г. была введена в действие глава III Уложения 1903 г. «О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против священной особы императора и членов императорского дома», глава IV «О государственной измене», статьи 121, 123, 126–134 главы V «О смуте». Законом от 14 марта 1906 г. была введена в действие глава II Уголовного уложения 1903 г. «О нарушении ограждающих веру постановлений», но с существенными изменениями и поправками, обусловленными изданием 17 апреля 1905 г. Указа о веротерпимости. Позднее в разное время были введены в действие отдельные статьи Уголовного уложения 1903 г. о противодействии правосудию, нарушении постановлений о надзоре за печатью, нарушении постановлений, ограждавших общественное спокойствие и др. [68, 265].

При применении на практике указанных глав и статей Уголовного уложения 1903 г. судебные учреждения обязаны были руководствоваться и главой первой «О преступных деяниях и наказаниях вообще» этого Уложения (Общая часть) относительно преступлений, предусмотренных главами и статьями Уложения 1903 г., которые были введены в действие [69, 30].

Общая же часть Уложения 1903 г. содержала много новых положений, в основу которых были положены принципы буржуазного уголовного права. Так, например, в ст. 1 формулировалось понятие преступления таким образом: «Преступным признается деяние, воспрещенное, во время его учинения, законом под страхом наказания» [70, 1]. То есть был сформулирован один из важнейших принципов уголовного права: нет наказания без преступления, точно обозначенного в Законе. Как видим, Уложение 1903 г. давало так называемое формальное определение преступления [71, 196].

При анализе понятия «преступление» обращает на себя внимание исключительно важное с точки зрения защиты прав подданных Российской империи указание Уложения на то, что закон, нарушение которого вменялось в вину обвиняемому, должен был вступить в силу до совершения деяния или во время его совершения.

Следует отметить, что в Уложении решительно отвергался принцип аналогии [72, 93].

Уложение 1903 г., исходя из тяжести налагаемых за преступные деяния наказаний, подразделяло эти деяния на три группы: тяжкие (за эти преступления назначалась смертная казнь, каторга и ссылка на поселение); преступления (за них полагалось заключение в исправительном доме, крепости или тюрьме); проступки (наказывались арестом или денежным взысканием). То есть Уложение квалифицировало преступные деяния не по объекту посягательства, а по жестокости наказания [4, 182].

Уголовное уложение 1903 г. очень четко определяло формы вины — умысел и неосторожность. При этом умысел мог быть как прямой, так и косвенный. Так, ст. 48 Уложения гласила: «Преступное деяние почитается умышленным не только когда виновный желал его учинения, но также когда он сознательно допускал наступление последствия, обуславливающего преступность сего деяния». Преступное же деяние считалось неосторожным, не только когда виновный не предвидел, хотя мог и должен был предвидеть наступление преступных последствий, но и когда предвидел и легкомысленно предполагал такие последствия предотвратить.

Уголовное уложение также четко определяло:

- а) стадии совершения преступления;
- б) виды соучастия;
- в) обстоятельства, устранявшие наступление уголовной ответственности, например малолетство (возраст наступления уголовной ответственности был установлен в 10 лет), болезненное расстройство душевной деятельности или бессознательное состояние, случай, необходимая оборона, непреодолимая сила;
- г) обстоятельства, усиливавшие ответственность, например рецидив, совершение двух и более преступных деяний.

Специальный раздел Уголовного уложения был посвящен обстоятельствам, устранявшим наказуемость. Так, наказание не применялось за давностью (ст. 68). От императора могло исходить помилование и прощение.

Обстоятельно в Уголовном уложении 1903 г. был отрегулирован вопрос о действии уголовного закона во времени и пространстве.

Общая часть Уложения 1903 г. содержала большую группу статей, посвященных наказаниям. Так, за тяжкие преступления назначались наказания: смертная казнь, которая совершалась через повешение и не публично (ст. 15); каторга без срока или на срок от четырех до пятнадцати лет. При этом осужденные должны были содержаться в каторжных тюрьмах в общем заключении и подвергаться тяжким принудительным работам как в помещениях этих тюрем, так и вне их (ст. 16). После окончания каторги преступники подлежали переводу на поселение в специальные предназначенные для этого местности; ссылка на поселение, назначаемая без срока (ст. 17); заключение в исправительном доме, которое назначалось на срок от одного года и шести месяцев до шести лет. Приговоренные к содержанию в исправительном доме должны были содержаться вначале в одиночном заключении от трех до шести месяцев, а затем переводиться в общее заключение. Приговоренные к заключению в исправительном доме женщины обязаны были заниматься работами внутри этого дома, а мужчины — вне (ст. 18).

За преступления и проступки Уголовное уложение предусматривало такие виды лишения свободы: заключение в крепости на срок от двух недель до шести лет (ст. 18); заключение в тюрьме на срок от двух недель до одного года (ст. 20); арест, назначаемый на срок от одного дня до шести месяцев. Уложение 1903 г. предусматривало в качестве наказания и денежную пеню.

Уложение 1903 г. предусматривало, что присуждение к смертной казни, каторге или ссылке на поселение сопровождалось лишением прав состояния. Так, лишение прав состояния дворян сопровождалось потерей дворянского звания и всех преимуществ, с ними связанных. Наказание, соединенное с лишением прав состояния, влекло за собой также потерю почетных титулов, чинов,

орденов, почетных званий и пенсий, отстранение от должностей государственных, церковных, сословных, земских, городских и т. п.

В Особенной части Уголовного уложения 1903 г. имелись такие главы: глава II. О нарушении ограждающих веру постановлений; глава III. О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против священной особы императора и членов императорского дома; глава IV. О государственной измене; глава V. О смуте; глава VI. О неповиновении власти; глава VII. О противодействии правосудию; глава VIII. О нарушении постановлений о воинских и земских повинностях; глава IX. О нарушении постановлений, ограждающих народное здравие; глава X. О нарушении постановлений, ограждающих общественную и личную безопасность; глава XI. О нарушении постановлений, ограждающих народное благосостояние; глава XII. О нарушении постановлений, ограждающих общественное спокойствие; глава XIII. О нарушении постановлений о надзоре за общественной нравственностью; глава XIV. О нарушении постановлений о надзоре за воспитанием юношества; глава XV. О нарушении постановлений о надзоре за печатью; глава XVI. О нарушении постановлений о надзоре за промыслами и торговлей; глава XVII. О нарушении постановлений о личном найме; глава XVIII. О нарушении постановлений о производстве строительных работ и о пользовании путями сообщения и средствами сношения; глава XIX. О преступных деяниях против прав семейственных; глава XX. О подделке монеты, ценных бумаг и знаков; глава XXI. О подлоге; глава XXII. О лишении жизни; глава XXIII. О телесном повреждении и насилии над личностью; глава XXIV. О поединке; глава XXV. Об оставлении в опасности; глава XXVI. О преступных деяниях против личной свободы; глава XXVII. О неупотреблении; глава XXVIII. Об оскорблении; глава XXIX. Об оглашении тайн; глава XXX. О повреждении имущества, путей сообщения, предостерегательных, граничных и тому подобных знаков или иных предметов; глава XXXI. О необъявлении о находке, присвоении чужого имущества и злоупотреблении доверием; глава XXXII. О воровстве, разбое и вымогательстве; глава XXXIII. О мошенничестве; глава XXXIV. О банкротстве, ростовщичестве и иных случаях наказуемой недобросовестности по имуществу; глава XXXV. О преступных деяниях против авторских прав и привилегий на изобретения; глава XXXVI. О самовольном пользовании чужим имуществом; глава XXXVII. О преступных деяниях по службе государственной и общественной [73, 1123–1124].

Как видим, в Уложении 1903 г. в основу группирования преступлений был положен объект посягательства. При этом на первом месте находились преступления против веры и церкви, как это традиционно было в предыдущем российском законодательстве.

Как уже отмечалось, в действие было введено не все Уголовное уложение 1903 г., а лишь главы II–V, отдельные статьи некоторых других глав, а также статьи общей части Уложения применительно к положениям, введенным в действие.

Глава II Уложения «О нарушении ограждающих веру постановлений» устанавливала наказания за богохуление, кощунство, нарушение порядка в церкви. Преступным считалось и нарушение обряда погребения либо погребение христианина по нехристианским обрядам. Предусматривалась также уголовная ответственность за похищение трупа и надругательство над ним. Статья 80 указанного Уложения предусматривала наказание за посягательство на свободу

вероисповедания, а ст. 84 устанавливала наказание за совращение православного или неправославного в изуверное учение.

Главы III–V Уложения 1903 г. «О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против священной особы императора и членов императорского дома», «О государственной измене», «О смуте» объединяли все составы государственных преступлений. Так, статьями Главы III Уложения 1903 г. устанавливалась ответственность за посягательство на жизнь, здоровье, свободу, неприкосновенность императора, деяния, направленные на свержение его с престола, лишение или ограничение его власти. Предусматривалась также уголовная ответственность за посягательство на членов императорского дома, например оскорбление императрицы, наследника престола. К числу опасных государственных преступлений относилась государственная измена, конкретные случаи которой назывались в главе IV Уложения 1903 г. (статьи 108–120). Так, наказывался как изменник российский подданный, виновный: в содействии или благоприятствовании неприятелю в его военных или иных враждебных против России действиях; во вступлении в войско, заведомо неприятельское, и т. д. глава V «О смуте» включала различные по тяжести деяния. Так, уголовной ответственности подлежали виновные в участии «в публичном скопище, заведомо собравшемся с целью выразить неуважение верховной власти или порицание установленных Законами основными образа правления или порядка наследия престола, или заявить сочувствие бунту, или измене, или лицу, учинившему бунтовщическое или изменническое деяние, или учению, стремящемуся к насильственному разрушению существующего в государстве общественного строя, или последователю такого учения» (ст. 121). Статьи главы V Уложения 1903 г. устанавливали ответственность за массовые беспорядки, организацию митингов, демонстраций, связанных с политическими целями, и т. д. Таким образом, группа государственных преступлений была достаточно объемной и включала, как отмечалось в литературе, «и некоторые такие деяния, которые или вовсе не должны бы считаться ненаказуемыми или должны бы быть отнесены к другим разрядам преступлений».

Наиболее тяжкие преступления, предусмотренные в главах III–V Уголовного уложения 1903 г., наказывались наиболее суровыми наказаниями: смертной казнью, срочной каторгой или каторгой без срока, а менее тяжкие — заключением в тюрьме или в исправительном доме, ссылкой на поселение, заключением в крепости. Как уже указывалось, кроме анализируемых глав в действие были введены и отдельные статьи некоторых других глав Уголовного уложения 1903 г. Так, из главы VII «О противодействии правосудию» в действие была введена статья, устанавливавшая ответственность за недонесение (статьи 163, 164). Из главы XV «О нарушении постановлений о надзоре за печатью» была введена в действие статья, дававшая суду право определять меру преступности содержания материала, помещенного в печати (ст. 309). Из главы XXVII «О непотребстве» были введены в действие статьи, которые устанавливали ответственность за сводничество, за склонение лица женского пола посредством насилия, угрозы убийством и т. п. к промыслу непотребством (проституцией), за сутенерство.

В рассматриваемый период принимались нормативные акты в области уголовного права, которые вносили отдельные изменения во вступившие в силу статьи Уголовного уложения 1903 г. Так, 5 июля 1912 г. был принят Закон «Об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионажа» [74].

Этим законом были заменены редакции статей 111, 112, 113, 118 и 119 Уголовного уложения 1903 г. и включены в него новые статьи. Этим законом было значительно расширено понятие шпионажа. Была выделена в самостоятельный вид государственная измена путем шпионажа во время войны. 25 декабря 1909 г. был принят Закон «О мерах к пресечению торга женщинами в целях разврата», который постановил изложить в новой редакции п. 2 ч. 1 ст. 500, статьи 524, 526, 527 и 529 главы XXVII «О непотребстве» Уголовного уложения 1903 г. [73]. Суть этих изменений заключалась в усилении ответственности за указанные в законе преступления. Кроме того, этим же Законом глава XXVII Уложения 1903 г. была дополнена статьей, которая устанавливала уголовную ответственность лица, склонившего к выезду из России лиц женского пола для занятия проституцией в виде промысла [74, 380].

В рассматриваемое время изменения и дополнения вносились и в действовавшие разделы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (в редакции 1885 г.). Так, в марте 1906 г. названное Уложение было дополнено статьей, предусматривающей уголовную ответственность лиц, виновных в оскорблении выборных членов Государственной Думы и членов Государственного совета при исполнении и вследствие исполнения ими своих обязанностей.

Стачечное движение сельских рабочих в 1905–1906 гг. обусловили принятие 15 апреля 1906 г. законодательного акта, известного под названием «Правила против возникновения стачек среди сельских рабочих». Этими Правилами вносился целый ряд изменений в Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г., а также в Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, имевших целью борьбу с забастовочным движением сельских рабочих. В 1906 г. был принят Закон «О недозволенном оставлении отечества», который стал основой новой статьи раздела о преступлениях и проступках против порядка управления Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (в редакции 1885 г.). Теперь наказание устанавливалось для тех, кто, отлучаясь из Отечества, входил в иностранную службу без позволения правительства или вступал в подданство иностранного государства. Для нарушителя устанавливалось наказание в виде лишения всех прав состояния и вечное изгнание из пределов Российской державы.

Некоторые изменения коснулись в рассматриваемое время и уголовно-процессуального законодательства. Так, принятый 15 июня 1912 г. Закон «О преобразовании местного суда» с целью сокращения производства по маловажным уголовным делам вводил институт судебных приказов. Так, отныне мировой судья получал право по делам о преступлениях, наказание за которое не превышало денежное взыскание либо пеню до 50 руб. или арест до 15 дней, и в случае, когда у мирового судьи не возникало сомнения в доказательствах обвинения, без обращения дела к судебному разбирательству приговорить обвиняемого судебным приказом [65, 173]. Процедура этой формы рассмотрения дела сводилась к докладу мировым судьей дела, заслушиванию объяснений обвиняемого и обвинителя (в случае если они явились в судебное заседание) и постановлению судебного приказа. Если в течение семи дней после получения осужденным копии приказа от него не поступило прошение о судебном разбирательстве дела, приказ вступал в законную силу. Институт судебных приказов был заимствован из австрийско-германского процесса и для Российской империи был процессуальным новшеством [75, 84].

С началом Первой мировой войны возникла необходимость внесения ряда изменений в действующее законодательство Российской империи, а также принятия новых нормативных актов. Это коснулось практически всех отраслей российского права. Конечно, участие России в Первой мировой войне обусловило необходимость мобилизации значительного количества военнообязанного населения в действующую армию, поэтому, руководствуясь статьей 70 Основных государственных законов Российской империи в редакции 23 апреля 1906 г., которая гласила, что мужское население России, «без различия сословия, подлежит воинской повинности», и нормами Устава о воинской повинности, правительство приступило к широкомасштабному призыву подданных империи на действительную военную службу. Так, 16 июля 1914 г. был принят Именной Высочайший указ «О приведении на военное положение частей армии и флота», в соответствии с которым на действительную военную службу были призваны нижние чины запаса. В Украине в армию и на фронт эта категория военнообязанных была призвана от всех уездов таких украинских губерний, как Киевская, Подольская, Полтавская, Харьковская, Херсонская, Екатеринославская, Таврическая, а также от ряда уездов Черниговской и Волынской губерний [65, 174]. 18 июля 1914 г. был принят новый Именной указ, в соответствии с которым призывом на действительную военную службу были охвачены «ратники ополчения первого разряда, назначенные для пополнения постоянных войск и формирования ополченческих частей». Теперь мобилизация коснулась и подданных Российской империи, проживавших на территории всех украинских губерний [76]. В целях расширения контингента лиц, призываемых на действительную военную службу в Устав о воинской повинности 1 сентября 1914 г. был внесен ряд изменений [77]. И в последующем правительство принимало правовые акты, позволявшие пополнять ряды действующей армии все новыми и новыми призывниками. Так, 30 сентября 1914 г. было утверждено Положение о привлечении на службу в армию в 1914 г. воспитанников высших учебных заведений, пользовавшихся отсрочкой для окончания курса обучения [65, 973–975]. 5 ноября 1914 г. были дополнительно утверждены подробные правила, определявшие порядок привлечения в войска лиц, пользовавшихся отсрочкой от военной повинности в связи с учебой в высших учебных заведениях [75, 84]. В декабре 1914 г. был принят Именной указ «О размере контингента новобранцев в 1915 году», предусматривавший необходимость призвать в указанном году для армии и флота 585 тысяч человек. Призыв в действующую армию осуществлялся и в последующий период. От Украины в период Первой мировой войны служили в рядах российской армии около 4 млн украинцев.

В условиях военного времени принимались нормативные акты, которые резко ограничивали провозглашенные в Основных государственных законах Российской империи права и свободы ее подданных. Так, 20 июля 1914 г. Царским указом вводилось «Временное положение о военной цензуре», которое предусматривало образование органов цензуры как в местностях, находившихся в районе театра военных действий, так и вне их. Цель цензуры определялась в ст. 1 Временного положения следующим образом: «Военная цензура есть мера исключительная и имеет назначение не допустить по объявлении мобилизации армии, а также во время войны оглашения и распространения путем печати, почтово-телеграфных сношений и произносимых в публичных собраниях речей и докладов сведений, могущих повредить военным интересам государ-

ства» [78]. Военная цензура устанавливалась в полном объеме или частичная. В районе военных действий право осуществлять цензуру получили штабы главнокомандующих армиями и военных округов, а в местностях, не входивших в район военных действий, органами военной цензуры являлись Главная военно-цензурная комиссия, местные военно-цензурные комиссии и военные цензоры. Согласно ст. 2 Положения о военной цензуре под цензуру подпадали произведения притеснения, эстампы, рисунки, фотографические снимки и т. п., предназначенные к выпуску в свет, а также почтовые отправления и телеграммы, тексты и конспекты речей и докладов, предполагаемых к произнесению в публичных собраниях. Военные цензоры получили широкие права: не допускать к опубликованию печатной продукции; просматривать почтовые отправления и телеграммы, задерживать телеграммы и конфисковывать почтовые отправления; не допускать к произнесению речей и докладов [79].

С принятием Временного положения о военной цензуре свобода слова и печати в Российской империи были существенно ограничены.

Война обусловила необходимость объявления отдельных, входивших в район театра военных действий и имевших особо важное значение государственных и военных интересов, территорий Российской империи на военном положении, что и было сделано Именным указом от 20 июля 1914 г. Под его действие попадали и отдельные местности Украины, в частности Волынская, Подольская, Киевская, Херсонская, Таврическая губернии, Золотоношский, Переяславский и Кременчугский уезды Полтавской губернии, Остерский уезд Черниговской губернии, Верхнеднепровский и Екатеринославский уезды Екатеринославской губернии [80]. На территории, объявленной на военном положении, начинали действовать «Правила о местностях, объявленных состоящими на военном положении» от 18 июня 1892 г.

С введением военного положения на той территории, где оно действовало, полномочия по охране государственного порядка и общественного спокойствия переходили к военным властям — главнокомандующему и командующим армиями. Так, командующий армией имел право запрещать удаляться с места жительства таким лицам, которых по их знанию, ремеслу или занятию предполагалось привлечь к работам для достижения целей войны; назначать общие и частные реквизиции; запрещать вывоз необходимых для работ орудий и материалов, а также продовольственных и перевозочных средств, фуража, дров и т. п. предметов, могущих потребоваться для войны; распоряжаться об уничтожении строений и истреблении всего, что могло затруднить движение или действие войск. Кроме того, командующий армией уполномочивался на принятие в целях охраны государственного порядка любых мер и не предусмотренных законом [80].

В районе действий армии ее командующему подчинялись местные генерал-губернаторы или лица, которые наделялись правами последних.

Наряду с установлением широких прав военных властей введение военного положения означало расширение административных полномочий местных губернских органов управления, прежде всего генерал-губернаторов (или облеченных их властью лиц), которые наделялись дополнительными административными и полицейскими правами. Так, согласно ст. 19 «Правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении» генерал-губернаторы или облеченные их властью лица имели право: издавать обязательные постановления

ния по предметам, относящимся к предупреждению нарушений общественного порядка и государственной безопасности; устанавливать за нарушение таких обязательных постановлений взыскания, не превышавшее заключение в тюрьме или крепости на три месяца или денежный штраф до трех тысяч рублей; запрещать всякие собрания; давать распоряжения о закрытии торговых и промышленных заведений на известный срок или на все время объявленного военного положения, а также осуществлять другие аналогичные меры, направленные на укрепление безопасности государства.

Генерал-губернаторы или наделенные их властью лица имели в местностях, объявленных на военном положении, широкие судебные права. Они могли передавать на рассмотрение военного суда отдельные дела, предусмотренные уголовным законодательством, для осуждения виновных гражданских лиц по законам военного времени. Это относилось, в частности, к таким преступлениям, как бунт против верховной власти и государственная измена; умышленный поджог или иное умышленное истребление, либо приведение в негодность предметов военного снаряжения и вооружения и вообще всего, принадлежавшего к средствам нападения или защиты, а также запасов продовольствия и фуража; нападение на часового или военный караул; некоторые другие, подрывавшие обороноспособность государства, преступления [81, 379–380].

Первая мировая война сделала финансовый вопрос в России исключительно острым, так как затраты на ведение страной боевых действий неуклонно возрастали, а доходные поступления в государственный бюджет резко сократились. Так, в связи с военным временем 22 августа 1914 г. последовало Высочайшее повеление о запрещении продажи спиртных напитков до окончания войны [82]. В развитии этого решения правительства многие земские и городские органы самоуправления приняли соответствующие обязательные постановления о прекращении торговли и виноградными винами [83, 331].

Эти мероприятия значительно подорвали доходную часть бюджета, так как продажа водки изымала у населения страны баснословное количество денег, давая казне огромный чистый доход, исчисляемый сотнями миллионов рублей ежегодно [84, 51]. Накануне войны чистый доход от казенной винной монополии составил 700 млн руб., что почти втрое превышало сумму всех прямых налогов [85]. Поступления в бюджет уменьшились и в связи со снижением размеров таможенных сборов, сокращением внешней торговли, увеличением крупномасштабных бесплатных военных перевозок железнодорожным транспортом, сделавшим этот вид транспорта убыточной отраслью государственного хозяйства страны.

Царское правительство пошло на принятие ряда нормативных актов, призванных обеспечить пополнение доходной части бюджета.

Царское правительство в процессе поисков источников покрытия военных расходов нашло выход в установлении механических надбавок к существующим налогам и установлении некоторых новых сборов и платежей. Так, 4 октября 1914 г. было утверждено Положение о повышении ставок некоторых видов существующего обложения новых и о введении налогов, которое, в частности, предусматривало заметное повышение государственного налога с недвижимого имущества в городах, посадах и местечках, а также ставок промышленного налога [86, 1–6]. 24 декабря 1914 г. было утверждено Положение, предусматривав-

шее повышение государственного поземельного налога, а также государственной оброчной и поземельной подати [86, 7–11].

Были увеличены почтово-телеграфные сборы, а также введены новые налоги на перевозку пассажиров, багажа и груза [87, 395–396, 665–666], на пользование телефоном [87, 276, 593–595]. Особый сбор был введен на перевозку хлопка [87, 486, 653–655]. В последующем правительство вводило все новые и новые налоги. Так, 22 ноября 1915 г. был введен временный, до окончания войны, налог с билетов для входа на публичные зрелища и увеселения [88]. 3 февраля 1916 г. — налог в пользу казны на тотализатор, открываемый на скачках и бегах [89].

Вместе с тем следует отметить, что указанные надбавки и новые сборы были недостаточны для пополнения доходной части бюджета. Решающую роль в поступлениях в государственный бюджет могли сыграть лишь подоходно-поимущественный налог и обложение военных прибылей. Но их-то правительство и не спешило вводить, совершенно справедливо опасаясь сопротивления буржуазии, поскольку указанные налоги напрямую затрагивали ее интересы. И только после долгих проволочек, 6 апреля 1916 г., царь утвердил одобренный Государственным советом и Государственной думой Закон «О государственном подоходном налоге» и Положение о государственном подоходном налоге [87, 141–203]. Закон вступал в действие с 1 января 1917 г. Согласно указанным нормативным актам подоходный налог взимался со всех форм полученного дохода и от всякого рода источников. А это значит, что обложению подоходным налогом подлежали все промышленные и торговые предприятия, монополистические объединения, товарищества, акционерные компании, земельная собственность, денежные капиталы, все формы прибыли. В основу налогообложения был положен принцип личного обложения, т. е. каждый предприниматель или собственник должен был платить подоходный налог из доли собственного дохода. Минимальный доход, подлежащий обложению, составлял 850 руб. в год. Ставки подоходного налога таким образом были незначительны, что было на руку прежде всего крупной буржуазии. Наряду с этим монополистическая буржуазия скрывала от налоговых органов свои огромные доходы, чему в немалой степени способствовали господствовавшая в капиталистической России коммерческая тайна, широко распространенная система фальсификации балансов, спекулятивный и с трудом поддающийся учету характер деятельности акционерных компаний и банков [90, 129]. В мае 1916 г. правительство ввело временный налог на военную сверхприбыль, но его взимание предусматривалось с 1917 г.

Одним из основных источников финансирования войны стало использование бумажно-денежной эмиссии. Для обеспечения действенности этой акции был принят закон, в соответствии с которым запрещался размен бумажных денег на золото и было расширено эмиссионное право Государственного банка [91]. Воспользовавшись им, Государственный банк выпустил в начале войны кредитных билетов без золотого покрытия на 1,5 млрд. руб., и таким образом казна получила источник для финансирования войны [92, 109]. На протяжении войны право эмиссии Государственного банка непрерывно расширялось и все новые и новые потоки кредитных билетов направлялись в каналы денежного обращения [93, 241]. В результате потребительская способность денег снижалась, что неизбежно вело к обнищанию народа.

В поисках источников финансовых поступлений царское правительство пошло на принятие нескольких десятков нормативных актов (законов и постановлений), предусматривавших значительное повышение акцизных ставок на сахар, табак, спички и другие предметы первой необходимости. Первым в ряду этих актов стал Закон «О некоторых мерах к усилению средств казны ввиду обстоятельств военного времени» от 27 июля 1914 г. [94]. Итогом действия анализируемого финансового законодательства было обогащение буржуазии, помещиков и бюрократии, связанной с финансовыми дельцами, сумевшими «заработать» на Первой мировой войне сотни миллионов рублей. Расплачиваться же пришлось рабочим и крестьянам, так как бремя всевозможных платежей ложилось в основном на плечи этих групп населения.

И все-таки, несмотря на усилия правительства, пополнение бюджета шло крайне медленно. Одной из главных причин краха налоговой политики было то, что население прекратило платить налоги. Особенно трагичной стала ситуация с февраля 1917 г., когда идея свободы многими подданными Российской империи стали расцениваться как свобода от уплаты налогов, и поступления их с мест фактически прекратились [87; 95, 312].

В период Первой мировой войны продолжало действовать в основном гражданское законодательство предыдущего периода. Однако обстоятельства военного времени все же потребовали принятия ряда новых актов в области гражданского права.

Под давлением экономических факторов царское правительство вынуждено было принять правовые акты, которые в большей или меньшей степени затрагивали интересы собственников. Получила распространение такая мера как реквизиция, т. е. принудительное взыскание натурой с населения в районе театра военных действий всякого рода предметов для надобностей войны. 3 августа 1914 г. было утверждено Положение о порядке производства реквизиций на время войны и в период мобилизации. Этот документ подробно регламентировал процесс осуществления реквизиции как способа лишения права собственности населения, находившегося на территории, где эта мера применялась; в дальнейшем принимались правовые акты, касавшиеся осуществления реквизиций. Например, 17 февраля 1915 г. было утверждено Положение Совета министров «О некоторых особых мероприятиях по заготовлению продовольственных и фуражных припасов для нужд армии и флота» [96]. В этом акте устанавливались правила реквизиции продовольственных и фуражных припасов на территориях империи, находившихся вне театра военных действий, по указанию командующих военных округов.

Следует отметить, что законодательство о реквизиции предусматривало довольно широкое ограничение прав собственников, так как любое имущество (механизмы, сырье, товар) могло быть подвергнуто реквизиции для обеспечения государственных потребностей, обусловленных войной. Однако на практике реквизиции чаще всего распространялись на невостребованные железнодорожные грузы (топливо, хлеб, сахар и т. п.). Так, например, 16 февраля 1916 г. Министр торговли и промышленности подписал Постановление «О реквизиции и передаче невостребованного на станциях сети Российских железных дорог твердого минерального топлива», в котором, в частности, указывалось, что о всех случаях непринятия твердого минерального топлива адресатами и невывоза его в установленные сроки со станций сети Российских железных

дорог железные дороги должны были немедленно по телеграфу уведомить об этом районных по минеральному топливу Уполномоченных Председателя Особого совещания по топливу, которым предоставлялось право реквизировать указанное топливо [97]¹. Собственникам реквизируемых железнодорожных грузов выплачивалось, однако, денежное вознаграждение [99, 51].

В отношении убыточных и малоперспективных предприятий применялась специальная мера — секвестр, представлявший из себя временное изъятие предприятия (или иного имущества) у собственника и передача его в распоряжение компетентного органа. Порядок секвестрования имущества, управления им, снятия с него секвестра и передачи собственнику детально регламентировался Положением «О порядке заведования и управления секвестрированными предприятиями и имуществом», утвержденным императором 12 января 1916 г. [100].

Ограничивал права собственников одобренный Государственным советом и Государственной думой и утвержденный царем 13 июня 1916 г. Закон «О мерах к сокращению потребления населением мяса и мясных продуктов от крупного рогатого скота, телят, овец, ягнят, свиней и поросят». Согласно этому закону запрещалась повсеместно во вторник, среду, четверг и пятницу каждой недели продажа мяса и мясных продуктов (мясных консервов, колбас, сала и т. п.), а в понедельник, вторник, среду и четверг каждой недели запрещался убой крупного рогатого скота, телят, овец, ягнят, свиней и поросят на бойнях, а равно и лицами, занимавшимися убоем скота для продажи. В остальные дни недели убой указанных животных допускался в количествах, определяемых органами городского самоуправления и уездными земскими учреждениями.

Виновные в нарушении требований закона об убое животных и продаже мяса и мясопродуктов подвергались по решению мирового судьи наказаниям в виде денежного штрафа или тюремного заключения [101; 102].

Обусловленное войной широкомасштабное вмешательство государства в частнокапиталистическую деятельность проявилось и в области обязательственного права, так как в рассматриваемое время действовавшие до войны институты обязательственного права не в состоянии были обеспечить эффективное функционирование экономики. Поэтому правительство перешло к принудительным формам договоров. Так, 4 сентября 1914 г. император утвердил Положение «О заготовлении в военное время необходимых для армии предметов и материалов», внесшее довольно серьезные изменения в обязательственное право. Согласно этому Положению договорные связи промышленных заведений, занимавшихся производством продукции, необходимой для снабжения армии и флота, переходили под контроль государственных должностных лиц. Под их контроль переходили и все договорные связи по поставке сырья и других материалов. Владельца промышленного предприятия в случае отказа «по каким бы то ни было причинам» от принятия и исполнения заказов военного и морского министерств такое предприятие могло быть постановлением Совета Министров «временно взято в распоряжение правительства». Свобода договоров была существенно нарушена и тем, что ограничивались сделки с некоторыми товарами. Запрещался, например, залог хлеба, — этот продукт подвергался нормированному распределению. Закон запрещал вывозить неко-

¹ На территории Украины названные уполномоченные пребывали в таких городах, как Киев, Одесса, Харьков [98, 13].

торые продовольственные товары за пределы района, где они производились [71, 205]. Дальнейшее ограничение свободы договоров проявилось в появлении ряда законодательных актов, которыми категорически запрещался вывоз за границу материальных ценностей. Так, утвержденный 3 мая 1915 г. Министерством финансов «Список товаров, запрещенных к вывозу из России за границу по обстоятельствам военного времени» попали металл, кожи и шкуры, лошади, продовольствие и др. [103, 413–416]. 18 июля 1915 г. Министром финансов был утвержден новый «Список товаров, запрещенных к вывозу из России по обстоятельствам военного времени» [103, 696–699], содержащий увеличенный перечень всевозможных товаров, экспорт которых был запрещен, а значит они не могли быть предметами договоров, одной из сторон в которых могли быть иностранные юридические и физические лица. В последующем список запрещенных к вывозу за границу товаров постоянно расширялся [98, 11–12, 53, 211, 318, 420, 433, 458, 511; 104, 18, 59, 178, 255, 398, 485, 578, 608, 664, 703].

Был поколеблен еще один принцип обязательственного права — незыблемость заключенных договоров и их неукоснительное исполнение в соответствии с достигнутой сторонами договоренностью. Это проявлялась в том, что законодательство предоставляло министрам право объявлять о недействительности заключенных договоров. Так, например, в принятом в ноябре 1915 г. Обязательном постановлении Министра торговли и промышленности, касавшемся установления предельных цен на продаваемые кожевенные товары, объявлялись недействительными все сделки по продаже этих товаров, «заключенные по ценам, выше предусмотренных» указанным Постановлением [104, 543].

Как видим, в период Первой мировой войны правительство вынуждено было перейти к достаточно широкому вмешательству в сферу обязательственного права, что неминуемо влекло за собой нарушение прав собственников. Поэтому в процессе реализации нового законодательства в области обязательственного права правительство столкнулось с многочисленными трудностями, а именно: переход предприятий под правительственный контроль требовал коренной реорганизации снабжения сырьем, надежного и квалифицированного аппарата управления, обладавшего достаточным опытом, надежного контроля, обязательного умелого учета такого обстоятельства, как противоположный характер интересов буржуазии и правительства. Поэтому, несмотря на все запреты и ограничения рынка, многие предприятия по-прежнему строили свои хозяйственные связи на основе свободного заключения договоров.

В уголовном законодательстве периода Первой мировой войны четко проявилась такое направление развития как усиление уголовной репрессии, обусловленной специфическими условиями военного времени. Так, уже 20 июня, в день принятия высочайшего манифеста «Об объявлении военных действий между Россией и Германией», император Николай II утвердил «Положение о военно-автомобильной повинности», которое завершалось статьей, предусматривавшей уголовную ответственность за нарушение предписаний указанного Положения. Например, за умышленное повреждение, уничтожение, сокрытие от должностных лиц, заведовавших поставкой «самодвижущихся экипажей» для вооружения сил или их запасных частей виновные подвергались заключению в тюрьме от двух до восьми месяцев [99, 60]. Указ от 20 июля 1914 г. «Об утверждении временного Положения о военной цензуре» дополнил Уложение о наказаниях уголовных и исправительных статьями, предусматривавшими

уголовную ответственность для лиц, допустивших нарушение цензурных правил, в частности, виновных в публичном оглашении сведений, касавшихся безопасности России и ее вооруженных сил [105]. Был принят перечень сведений о внешней безопасности и военной мощи страны, разглашение которых рассматривалось как государственная измена путем шпионажа [87, 18–19]. В последующем тенденция к усилению уголовной ответственности за преступления, подрывавшие обороноспособность Российской империи, проявлялась достаточно четко.

Уголовное законодательство использовалось правительством для решения задач в различных сферах экономической деятельности. Меры уголовно-правовой репрессии были направлены против владельцев предприятий, допускаявших нарушения при выполнении государственных заказов, в большинстве случаев призванных обеспечить потребности армии и флота. Так, 24 мая 1915 г. было принято Положение об установлении уголовной ответственности в виде заключения в тюрьму на срок от одного года и четырех месяцев до двух лет с лишением некоторых прав и преимуществ для заведующих (владельцев и управляющих) предприятий, занятых производством предметов, необходимых для снабжения армии и флота, виновных в уклонении без уважительных причин от принятия и исполнения заказов военного и морского министерств [106]. А уже 26 июля 1915 г. правила о принудительных заказах и ответственности были распространены на заведующих (владельцев и управляющих) промышленными и торговыми заведениями, занимавшимися производством и продажей предметов и материалов, необходимых для санитарной и эвакуационной части [107]. В последующем уголовная ответственность устанавливалась не только для лиц, уклонявшихся от принятия и исполнения военных заказов, но и для тех, кто занимался сокрытием сырья и ряда товаров. Так, например, согласно утвержденному 7 июля 1915 г. Положению «О некоторых мерах к упорядочению снабжения сырьем хлопчатобумажных и суконных фабрик» виновные в сокрытии запасов хлопка или шерсти подвергались заключению в тюрьме на срок не свыше одного года и четырех месяцев [108].

Подлежали уголовной ответственности руководители предприятий, виновные в неисполнении распоряжений Особого совещания по обороне о представлении ему сведений, относящихся к деятельности предприятий [109].

Высочайшим повелением от 9 ноября 1914 г. Военно-уголовный устав был дополнен статьей, согласно которой, виновные в умышленном причинении себе с целью уклониться от службы или от участия в военных действиях огнестрельных или иных ранений подвергались суровому наказанию: а) в районе военных действий — лишению всех прав состояния и смертной казни, или ссылке на каторжные работы сроком от четырех до двадцати лет или без срока; б) «в виду неприятеля» — лишению всех прав состояния и смертной казни. Указанным наказаниям подвергался и тот, кто умышленно содействовал дезертиру и самострелу, изувечивал его [103, 758].

25 декабря 1914 г. высочайшим повелением были изменены статьи Воинского устава о наказаниях, которые в новой редакции усиливали уголовную ответственность военнослужащих за самовольное оставление места службы, а также за побег во время войны из района военных действий [110, 78]. Законами уточнялось понятие побега и самовольной отлучки.

Во второй половине 1916 г. в армии возросло революционное настроение, отказ идти в наступление, дезертирство, поэтому царское правительство установило суровые меры наказания за подстрекательство к уклонению каким-либо способом от военной службы или от участия, хотя бы временно, в военных действиях. Виновные в этих действиях подвергались лишению всех прав состояния и ссылке на каторгу сроком от 4 до 20 лет, или без срока, или лишению всех прав состояния и смертной казни. Этому наказанию подвергали виновного даже в том случае, когда подстрекаемый указанных действий или покушения на них не совершил [111]. Высшей мере наказания подвергали виновного в подстрекательстве словом, личным примером или иными действиями к сдаче неприятелю, или уклонению от боя в районе военных действий, хотя бы эти деяния и не имели никаких последствий [112, 23].

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. *Российское законодательство X–XX веков.* — М., 1988. — Т. 6 : Законодательство первой половины XIX века.
2. *Тертишник В. М.* Кримінально-процесуальне право України : підруч. — 4-те вид., допов. і переробл. — К., 2003.
3. *Исаев И. А.* История государства и права России : полный курс лекций. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1995.
4. *Развитие русского права во второй половине XIX — начале XX века.* — М., 1997.
5. *Давидович А. М.* Самодержавие в эпоху империализма : классовая сущность и эволюция абсолютизма в России. — М., 1976.
6. *Пашенцев Д. А.* Особенности системы источников права Российской империи // История государства и права. — 2009. — № 19.
7. *Победин Е. К.* К вопросу о юридической силе Свода законов // Журнал Министерства юстиции. — 1909. — № 4–6.
8. *Энциклопедический словарь.* — СПб., 1890. — Т. XXIX.
9. *История государства и права : словарь-справочник / под ред. М. И. Сизикова.* — М., 1997.
10. *Трубецкой Е. Н.* Лекции по энциклопедии права. — М., 1917.
11. *Российское законодательство X–XX веков : в 9 т.* — М., 1989. — Т. 7 : Документы крестьянской реформы.
12. *Якушкин Е. И.* Обычное право. Вып. 1. — Ярославль, 1875.
13. *Якушкин Е. И.* Обычное право. Вып. 2. — Ярославль, 1896.
14. *Якушкин Е. И.* Обычное право. Вып. 3. — М., 1908.
15. *Добров О.* Правоутворения без законодателя. — К., 1928. — Ч. 1 : Звичаєве право.
16. *История отечественного государства и права : учеб. / под ред. О. И. Чистякова.* — М., 1996.
17. *Свод законов гражданских.* — СПб., 1887. — Т. X, ч. 1.
18. *Русское гражданское право. Конспект лекций, читаемых ординарным профессором университета Св. Владимира П. П. Цитовичем. Общая часть.* — К., 1894.
19. *Оришанский И. Г.* Исследования по русскому праву семейному и наследственному. — СПб., 1877.
20. *Анненков К.* Система русского гражданского права. — Изд. 2-е. — СПб., 1899. — Т. I : Введение и общая часть.
21. *Лаврентьев Д. К.* Законоведение. — Пг., 1916.
22. *История государства и права СССР : учеб. / под ред. Ю. П. Титова.* — М., 1988. — Ч. I.
23. *Кодифікація цивільного законодавства на українських землях / за ред. Р. О. Стефанчука та М. О. Стефанчука.* — К., 2009. — Т. 2.
24. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. — Казань, 1894.
25. *Владимиров Л. Е.* Учебник законоведения. — СПб., 1911.
26. *Курицын В. М.* Буржуазные реформы государственного аппарата и развитие права России в 60–80-е годы XIX века. — М., 1992.
27. *Победоносцев К.* Курс гражданского права. Вторая часть. Права семейные, наследственные и завещательные. — СПб., 1896.
28. *Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе.* — СПб., 1842. — Т. XVI.
29. *Загоровский А. И.* Курс семейного права. — Одесса, 1902.
30. *Цыпин В. А.* Церковное право. — 2-е изд. — М., 1996.
31. *Свод законов Российской империи.* — СПб., 1876. — Т. IX : Законы о состояниях.
32. *Шельмагин И. И.* Фабрично-трудовое законодательство в России (вторая половина XIX века). — М., 1947.

33. Долгих Д. Г. Регулирование уголовной ответственности за служебные преступления : исторический анализ российского законодательства // История государства и права. — 2009. — № 1.
34. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией. — 2-е изд., доп. — СПб., 1867. — Ч. 4.
35. Русское уголовное право : лекции Н. С. Таганцева. Часть общая. — СПб., 1902. — Т. 1.
36. Российское законодательство X–XX веков. — М., 1991. — Т. 8 : Судебная реформа.
37. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. — Изд. 17-е пересм. и доп. — СПб., 1913.
38. Маляренко В. Т. Реформування кримінального процесу України в контексті європейських стандартів : теорія, історія і практика : моногр. — К., 2004.
39. Чельцов-Бербутов М. А. Курс уголовно-процессуального права. Очерк по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. — СПб., 1995.
40. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. — СПб., 1996. — Т. II.
41. Борсенко В. Й. Курс української історії : з найдавніших часів до XX століття : навч. посіб. — К., 1996.
42. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. — Т. LIII. — СПб., 1880. — № 58967.
43. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. — Т. III. — СПб., 1886. — № 1544.
44. Жижиленко А. Общий очерк движения уголовно-процессуального законодательства после 1864 года // Судебная реформа. / под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. — М., 1915. — Т. II.
45. Верещагина А. В. Обеспечение права обвиняемого на защиту на досудебных стадиях (по российскому дореволюционному законодательству) // Государство и право. — 2002. — № 5.
46. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. — Т. XLVII. — СПб., 1875.
47. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. — Т. I. — СПб., 1885.
48. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. — Т. VII. — СПб., 1889.
49. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. — Т. IX. — СПб., 1891. — № 6196, 6483.
50. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за 50 лет. — Пг., 1914. — Т. 2.
51. Малышев К. Курс гражданского судопроизводства. — 1876. — Т. I.
52. Энгельман И. Учебник русского гражданского судопроизводства. — Юрьев, 1899.
53. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. — СПб., 1867. — Ч. 1.
54. Гражданский процесс. — М., 1948.
55. Абрамов С. Н. Советский гражданский процесс. — М., 1952.
56. Курс советского гражданского процессуального права. — М., 1981. — Т. 2.
57. Васьюковский Е. В. Учебник гражданского процесса. — М., 1914.
58. Воробейкова Т. У. Судебная реформа 1864 года // Проблемы юридической науки та правоохоронної практики. — К., 1994.
59. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. — М., 1983.
60. Краснов Ю. К. История государства и права России. — М., 1997. — Ч. I.
61. Малченко В. С. Общий очерк движения гражданско-процессуального законодательства после 1864 года // Судебная реформа / под ред. Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянского. — М., 1915. — Т. II.
62. Гражданское уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (С объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной Комиссии) / сост. А. Л. Саатчиан ; под ред. И. М. Тютрюмова. — СПб., 1910. — Т. I.
63. Собрание узаконений и распоряжений правительства. — 1905. — № 59. — Ст. 507.
64. Собрание узаконений и распоряжений правительства. — 1906. — № 115. — Ст. 651.
65. Важнейшие законодательные акты (1908–1912 гг.) с алфавитным предметным и хронологическим указателем / сост. М. С. Иоффе ; под ред. и с предисл. проф. В. М. Гессена. — СПб., 1913.
66. Шельмагин И. И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России 1900–1917. — М., 1952.
67. Советская историческая энциклопедия. — М., 1973. — Т. 14.
68. Российское законодательство X–XX веков. — М., 1994. — Т. 9 : Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций.
69. Моллериус И. Руководство для полицейских чинов (Пособие к изучению обязанностей полиции). — СПб., 1911. — Т. I.
70. Таганцев Н. С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. — СПб., 1904.
71. Исаев И. А. История России. Правовые традиции. — М., 1995.
72. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М., 1912.
73. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. / изд. Н. С. Таганцева. — СПб., 1904.
74. Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М., 1909.

75. Шаркова И. Г. Мировой судья в дореволюционной России // Государство и право. — 1998. — № 9.
76. *Собрание узаконений*. — 1906. — № 54. — Ст. 354.
77. *Собрание узаконений*. — 1906. — № 103. — Ст. 619.
78. *Собрание узаконений*. — 1914. — № 179. — Ст. 2014.
79. *Собрание узаконений*. — 1914. — № 195. — Ст. 2060.
80. *Собрание узаконений*. — 1914. — № 272. — Ст. 2463.
81. Гессен В. М. Исключительное положение. — СПб., 1908.
82. *Собрание узаконений*. — 1914. — № 248. — Ст. 2348.
83. Дерножицкий В. Ф. Полицейское право. — Петроград, 1917.
84. Боголепов М. И. Война, финансы и народное хозяйство. — Петроград, 1914.
85. *Вопросы финансовой реформы в России* / под ред. В. Я. Железнова. — М., 1915. — Т. 1. — Вып. 1-й.
86. *Свод законов Российской империи*. — Петроград, 1914. — Т. V. Устав о прямых налогах.
87. Авербах О. И. Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 гг. — Пг., 1916. — Т. I.
88. *Собрание узаконений*. — 1915. — № 348. — Ст. 2564.
89. *Собрание узаконений*. — 1916. — № 39. — Ст. 219.
90. Погребинский А. П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. — М., 1968.
91. *Собрание узаконений и распоряжений правительства*. — 1914. — № 207. — Ст. 2096.
92. Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). — М., 1960.
93. Погребинский А. П. Очерки финансов дореволюционной России (XIX–XX вв.). — М., 1954.
94. *Собрание узаконений*. — 1914. — № 207. — Ст. 2097.
95. *Российская история* : учеб. для вузов / Г. Б. Поляк, А. Н. Маркова, Н. С. Кривцов и др. ; под ред. акад. Г. Б. Поляк. — М., 1997.
96. *Собрание узаконений*. — 1915. — № 64. — Ст. 551.
97. *Собрание узаконений*. — 1916. — № 63. — Ст. 452.
98. Авербах О. И. Законодательные акты, вызванные войной 1914–1916 гг. — Петроград. — 1916. — Т. IV.
99. Rogov V. A. Право России в период Первой мировой войны : учеб. пособие. — М., 1983.
100. *Собрание узаконений*. — 1916. — № 21. — Ст. 118.
101. *Собрание узаконений*. — 1916. — № 193. — Ст. 1621.
102. *Собрание узаконений*. — 1916. — 1914. — № 254. — Ст. 2372.
103. Авербах О. И. Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 гг. — Петроград, 1915. — Т. II.
104. Авербах О. И. Законодательные акты, вызванные войной 1914–1916 гг. — Петроград, 1916. — Т. III.
105. *Собрание узаконений*. — 1914. — № 187. — Ст. 2050.
106. *Собрание узаконений*. — 1914. — № 203. — Ст. 2079; № 220. — Ст. 1710.
107. *Собрание узаконений*. — 1915. — № 145. — Ст. 1114.
108. *Собрание узаконений*. — 1915. — № 193. — Ст. 1510.
109. *Собрание узаконений*. — 1915. — № 201. — Ст. 1594.
110. *Свод военных постановлений 1869 года. Часть шестая. Уставы военно-уголовные*. — Петроград, 1915.
111. *Собрание узаконений*. — 1915. — № 61. — Ст. 529.
112. Иванов С. С., Скрипалев Е. А. Государство и право России в годы мировой империалистической войны (1914–1917 гг.). — М., 1962.

Гончаренко В. Д. Право Украины во время ее пребывания в составе Российской империи

Аннотация. В статье рассмотрен важнейший источник российского права, который распространил свое действие на территорию Украины во время ее пребывания в составе Российской империи — Свод законов Российской империи.

Ключевые слова: источник права, Свод законов Российской империи, гражданское право, уголовное право.

Honcharenko V. Right of Ukraine during Her Stay in the Russian Empire

Annotation. The article considers the most important source of Russian law, which extended its action on the territory of Ukraine during its stay as a part of the Russian Empire — the Code of Laws of the Russian Empire.

Key words: source of law, Code of Laws of the Russian Empire, civil law, criminal law.